

Министерство высшего и среднего
специального образования РСФСР

ГОРЬКОВСКИЙ ОРДЕНА
ТРУДОВОГО КРАСНОГО
ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО

ТЕРМИНЫ
В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Межвузовский сборник

1027056

УДК $\frac{Л 43}{4}$

Термины в языке и речи. Межвузовский сборник. -- Горький, изд. ГГУ им. Н. И. Лобачевского, 1984, с. 114.

Рассматриваются возможности разграничения терминов языка и терминов речи, мотивированность и идиоматичность терминов, предметная отнесенность некоторых лингвистических терминов, функционирование терминов в вузовских и школьных учебниках; сопоставляются термины русского и английского языков.

Редакционная коллегия:

М. Б. Борисова, доктор филолог. наук, проф.; Б. Н. Головин, доктор филолог. наук, проф. (отв. редактор); А. И. Горшков, доктор филолог. наук, проф.; Р. Ю. Кобрин, канд. филолог. наук, доц.; И. Н. Лаврова, канд. филолог. наук, доц. (отв. секретарь); М. А. Михайлов, канд. филолог. наук, доц. (зам. редактора); М. М. Михайлов, доктор филолог. наук, проф.; А. И. Монсеев, доктор филолог. наук, проф.; В. Н. Немченко, доктор филолог. наук, проф.

«ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА» ИЛИ «ЛИНГВИСТИКА РЕЧИ»?

[Б. Н. Головин]

Горьковский университет

1. На протяжении каких-нибудь тридцати лет в лингвистике неоднократно возникали очаги неспокойного возбуждения, подчинявшие себе то большее, то меньшее число ученых. Можно назвать здесь «новое учение о языке» Н. Я. Марра, концепции изучения языка без обращения к смыслу, порождающую грамматику Н. Хомского и его последователей; в настоящее время в центре одного из таких очагов оказалась лингвистика текста и ее вариант — коммуникативная лингвистика. Эти лингвистики имеют большую силу притяжения — видимо, потому, что обещают понимание языка как коммуникативной деятельности и познание смысла целостных текстов. Любопытно, что сила притяжения лингвистики текста не ослабевает — несмотря на смутность или неразъясненность исходных в этой лингвистике терминов и понятий.

В 1979 г. была опубликована статья Р. А. Будагова [1], убедительно показавшая теоретическую неоснащенность новой лингвистики. Вместе с тем в номере пятом того же журнала и в номере шестом «Вопросов языкоznания» появились статьи, авторы которых (М. Н. Кожина и В. Г. Колшанский) излагают (весьма доброжелательно) непроясненные теоретические положения лингвистики текста и коммуникативной лингвистики.

М. Н. Кожина пишет: «В итоге, по-видимому, весьма условно (учитывая концепцию Коcериу и сложившуюся традицию) можно выделить такие направления лингвистики текста: 1. общая теория текста как одного из компонентов языка; 2. общая лингвистика текста как одного из уровней языковой системы, сверхфразового уровня; 3. лингвистика текста, изучающая отдельное речевое произведение, — лингвистика кон-

крайнего текста (ЛТ-а); 4. лингвистика типологии текстов (ЛТ-ов). Разные направления эксплицируют здесь разное определение понятия «текст» [2, с. 64].

В статье «Проблемы коммуникативной лингвистики» сказано: «В связи с тем, что семантическое взаимодействие всех без исключения языковых единиц, включая знаменательные и сложные слова, осуществляется в пределах некоторого цельного коммуникативного отрезка (другими словами, текста), категория семантики должна быть отнесена прежде всего к уровню текста. Вот почему смыслы высказываний и смысл текста представляют собой единство и цельность, в рамках которого семантика отдельных языковых единиц составляет лишь часть этого целого. Семантическая дискретность текста есть его смысловое структурирование, а не сумма отдельных значений единиц. Семантика не может быть понятием арифметического характера, т. е. результатом сложения или деления элементарных значений в рамках некоторого цельного смысла. Наоборот, элементарные значения отдельных единиц есть результат структурирования тотального смысла высказывания (текста)» [3, с. 54].

Таким образом, два ученых, имена и работы которых хорошо известны в советском языкоznании, принимают (как это можно увидеть в цитированных высказываниях) хотя бы следующие теоретические положения лингвистики текста: текст — один из компонентов языка; текст — один из уровней языковой системы; семантика целого текста становится предметом лингвистического изучения.

2. В. В. Виноградов не одно десятилетие занимался изучением текстов — по преимуществу художественных. Правда, термин «текст» ученый употреблял редко, предпочитая говорить о произведениях и их жанрах. В. В. Виноградов был убежден, что в произведении (тексте) нужно видеть и различать две стороны — идейно-смысловую и языковую (или речевую). Напомню одно из предложенных ученым разъяснений этого сложного двуединства: «Обозначаемое или выражаемое средствами языка содержание литературного произведения само по себе не является предметом лингвистического изучения. Лингвиста больше интересуют способы выражения этого содержания или отношение средств выражения к выражаемому содержанию. Но в плане такого изучения и содержание не может остаться за пределами изучения языка художествен-

ной литературы. Ведь действительность, раскрывающаяся в художественном произведении, воплощена в его речевой оболочке; предметы, лица, действия, называемые и воспроизведимые здесь, внутренне объединены и связаны, поставлены в разнообразные функциональные отношения. Все это сказывается и отражается в способах связи, употребления и динамического взаимодействия слов, выражений и конструкций во внутреннем композиционно-смысловом единстве словесно-художественного произведения. Состав речевых средств в структуре литературного произведения органически связан с его «содержанием» и зависит от характера отношения к нему со стороны автора» [4, с. 91].

Эти высказывания крупнейшего советского лингвиста, знатока художественных текстов и их языка, поучительны: ведь В. В. Виноградов отчетливо различает состав и «динамическое взаимодействие» языковых (речевых) средств в структуре литературного произведения — и, с другой стороны, его «содержание», т. е. ту конкретную идейно-художественную информацию, которая «заложена» в него автором. Цитированные слова и мысли В. В. Виноградова отнесены к художественному произведению и поэтому особенно поучительны при осмыслиении темы моего сообщения: ведь в художественных произведениях (текстах) связь между содержанием и средствами языкового выражения особенно тесная — слово становится элементом, слагаемым художественного образа. Ученый прекрасно это видит — и тем не менее предупреждает о возможности смешения содержания и языкового выражения. Нет никаких видимых причин оспаривать тезис Виноградова о единстве и различии в художественном произведении его идейно-образного содержания и языкового (речевого) выражения. Этот тезис вдвойне справедлив применительно к произведениям (текстам) нехудожественным (научным, деловым, публицистическим и иным).

В глубокой внутренней связи с мыслями о единстве и различии содержания и языковой (речевой) формы художественного произведения находятся теоретические решения В. В. Виноградова, принятые им как итог многолетних наблюдений над языком в художественных и нехудожественных текстах; эти теоретические решения с особой четкостью выражены в книгах «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика» (М., 1963) и «Проблема авторства и теория стилей» (М., 1967). Вот слова самого ученого: «В той... сфере изучения

языка..., которая ныне называется стилистикой, следовало бы различать по крайней мере три разных круга исследований, тесно соприкасающихся, часто взаимно пересекающихся и всегда соотносительных, однако наделенных своей проблематикой, своими задачами, своими критериями и категориями. Это, во-первых, стилистика языка как «системы систем» или структурная стилистика; во-вторых, стилистика речи, т. е. разных видов и актов общественного употребления языка; в-третьих, стилистика художественной литературы» [5, с. 5]. И в более поздней формулировке та же, в сущности, мысль: «Изучение языка ...пришло к сознанию важности и даже необходимости разграничений стилей языка (преимущественно в сфере литературно-языковой культуры народа), а в области многообразия общественной деятельности, особенно в эпоху национального развития — стилей речи или социально-речевых стилей. Чрезвычайно остро выдвигается проблема стиля, когда вообще возникает речь об индивидуальном словесном творчестве» [6, с. 7].

Цитированные высказывания В. В. Виноградова не могут оставить сомнения в том, что ученый пришел к убежденному выводу о различении, в процессе изучения, языка и речи, стилей языка и стилей речи. И это, конечно же, не случайно. Участвуя в построении литературного произведения (текста) и в выражении его смыслового содержания, язык создает (разумеется, под контролем работающего сознания людей) речь — последовательность слов и предложений, организованных по «законам» языка для выражения нужной информации.

Именно речь, ее языковая организация, ее зависимость от выражаемых смыслов и ее влияние на эти смыслы была и остается одним из главных предметов лингвистического изучения. И если этот предмет изучения осознается наукой, если наука вырабатывает необходимые для такого изучения методы, методики и проблематику, — можно (а может быть, и нужно) говорить о лингвистике речи, частью которой оказывается та стилистика речи, о которой писал акад. В. В. Виноградов.

При таком подходе к объекту, предметам и проблемам лингвистической науки незачем ломать дрова: незачем разрушать устоявшееся, традиционное общее понимание языка как системы знаков (или знакового механизма) общения, незачем и отказываться от общепринятого понимания литературного

произведения, (а значит, и текста) как реального единства неязыкового, т. е. не закрепленного за знаками языка в его системе, смыслового содержания, и знакового (речевого) его выражения. Сохраняется и вошедшее в науку убеждение (вспомним идеи А. А. Потебни и ученого-психолога А. Н. Леонтьева) в том, что смысловое содержание литературного произведения (текста) и даже отдельного высказывания не есть простой результат объединения или сложения семантики языковых знаков. Эта семантика общенародна или коллективна, она закреплена за языковыми знаками традицией их использования и не является актуальным для **этой** личности отражением **этого** явления жизни. Между тем смысловое содержание текста (произведения или отдельного высказывания) всегда актуально для личности как отражение в ее сознании вполне определенного факта действительности. А. Н. Леонтьев писал о «личностных смыслах», которых нет, разумеется, в системе знаков языка, но которые есть в любом высказывании.

3. Допустим теперь на минуту, что наука о языке приняла хотя бы те три теоретических положения лингвистики текста, о которых я говорил в начале сообщения, а именно: текст — один из компонентов (другая версия — одна из единиц) языка; текст — один из уровней языковой системы (структуры); семантика целого текста — предмет лингвистического изучения.

Что все это означало бы для науки о языке?

Прежде всего, полную потерю теоретических представлений о границах языка как особой системы общения. В самом деле, если любой текст — компонент (единица) языка, то что же собою представляет язык? Совокупность и систему текстов? Коммуникативную деятельность? Процесс общения? Но ведь любой из этих (или подобных) ответов совершенно неудовлетворителен не только потому, что пытаются опрокинуть двухтысячелетний опыт лингвистической науки, помноженный на его проверку опытом говорящих и пишущих людей. Любой из этих ответов неудовлетворителен и потому, что совершенно не позволяет понять, как, из чего строит человек новые и новые тексты, выражающие новые и новые смыслы. Говорят нередко, что тексты — это единицы общения. Возможно, но ведь это совершенно особые «единицы» — произведенные, построенные автором из воспроизведенных, взятых из системы языка и примененных для выражения нужной информации.

Количество произведений и отдельных высказываний бесконечно и не поддается учету, количество знаков языка очень велико, но все же конечно и может быть сосчитано. Не текст является единицей языка самого высшего его уровня, а единицы языка участвуют в построении текста, в формировании и выражении его смыслового содержания. Но совершенно правомерная и понятная задача — изучать единицы языка в конкретных текстах не может и не должна подменяться задачей изучения текстов как единиц языка.

Если принять теоретические положения лингвистики текста, искажается или разрушается принятное в советской (шире — ориентированной на материалистическую философию) лингвистике понимание соотношения языка и сознания, языка и мышления людей.

Допустить, что смысловое содержание высказываний и целых произведений (текстов) принадлежит языку, значит стереть различие между языком и сознанием, превратить единство языка и сознания в их тождество — с вытекающими отсюда неразрешимыми противоречиями. Предается забвению принципиальное различие между мыслями, чувствами, желаниями, настроениями определенной личности в определенное время (а ведь информация о них и составляет смысловое содержание высказываний и целых литературных произведений, т. е. текстов) и семантикой слов и других знаков языка. Это обстоятельство было бы странно и непростительно забывать, тем более, что печальный опыт преобразования «глубинных структур» в «поверхностные» и построения моделей «смысл — текст», — этот опыт, казалось бы, должен кое-чему научить.

В теоретических декларациях сторонников лингвистики текста настораживает и, мягко говоря, неосторожное обращение с терминами, уже освоенными наукой и «занятыми» более или менее традиционными и проверенными опытом исследования и преподавания понятиями. Туманным, плывущим и почти неуловимым в своем понятийном значении становится основной для лингвиста термин — язык. Но разве перестала интересовать лингвистов та реально существующая и работающая знаковая система общения, которую до сих пор было принято (дефиниции, конечно, в каких-то пределах меняются) называть языком? Можно предположить, что лингвистика текста хочет направить свое внимание не на устройство, работу и развитие этой знаковой системы, а на самый коммуникатив-

ный процесс во всей его сложности или на нерасчлененно воспринимаемое единство языка, речи и речевой деятельности. Пусть будет так. Но при этом никуда не денется главный в современной лингвистике объект исследования — язык в его традиционно установленных очертаниях. Так зачем же размывать и расшатывать сложившуюся терминологию, искать и навязывать науке и преподаванию иную, чем это принято, предметную и понятийную отнесенность кардинальных терминов языкоznания, среди них и таких, как язык, речь, коммуникация, значение, смысл, текст и многих других?

Повторяю, что нельзя ничего возразить против желания лингвиста изучать средства языка в тексте, в составе речевых последовательностей, в связи с выражаемым смыслом произведения. При этом неизбежно обращение к большим, чем предложение, отрезкам речи (сложным синтаксическим целым, сверхфразовым единствам и т. д.), неизбежно и изучение синтагматики предложений, простых и сложных, приемов и способов их организации в структуре речи — этой знаковой, языковой стороны текста. Но претензии на то, чтобы лингвистика текста стала новой наукой — наукой о текстах как компонентах или единицах языка, — эти претензии теоретически несостоятельны. Если же от таких претензий отказаться, то лингвистика текста станет лингвистикой речи, и ее объектом останется язык, но не как система знаков в отвлечении от конкретного смысла, а как последовательность тех же знаков, конкретный смысл формирующая и выражаяющая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будагов Р. А. В какой мере «лингвистика текста» является лингвистикой? — Филологические науки, 1979, № 2.
2. Кожина М. Н. Соотношение стилистики и лингвистики текста. — Филологические науки, 1979, № 5.
3. Колшанский В. Г. Проблемы коммуникативной лингвистики. — ВЯ, 1979, № 6.
4. Виноградов В. В. О языке художественной литературы, М., 1959.
5. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
6. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1967.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ТЕРМИНОВ ЯЗЫКА И ТЕРМИНОВ РЕЧИ

Л. А. Пекарская

Горьковское высшее военное училище тыла

Разграничение языка и речи достаточно последовательно проводится в современном языкоznании и используется при исследовании разных языковых уровней. На терминологию до последнего времени не распространялось общеязыковое противопоставление «язык — речь». Попытки исследования сферы функционирования терминов являлись единичными.

Одним из первых на необходимость изучения терминов в их речевом функционировании обратил внимание профессор Б. Н. Головин: «В настоящее время терминологов больше беспокоит, кажется, «терминостроительство», «упорядочение терминологии», «регулирование систем» и меньше — реальные процессы применения терминов в различных областях науки, техники и производства... Между тем не менее (а, может быть, более) актуальна проблема использования терминов в процессе развития науки, техники и производства, проблема их (терминов) речевого функционирования» [1].

В работах последних лет все чаще отражается понимание того, что лингвистический подход к решению терминологических проблем состоит в том, чтобы идти от речи к языку, от изучения речевой практики специалистов к построению оптимальных систем терминов [2, 3, 4].

Однако в терминоведении нет удовлетворительно работающего критерия, позволяющего дифференцировать языковую или речевую принадлежность термина.

Можно предложить совокупность количественных критериев, дифференцирующих языковой — речевой характер единицы на основании не только ее частотности и структурных характеристик, но и на основании значимости этой единицы для образования других терминологических единиц.

Разработка и обработка этих критериев проводились на материале терминологии информатики.

Материалом для исследования терминологии информатики послужили тексты статей сборника «Научно-техническая информация» по следующим разделам:

Общие вопросы. Информационный анализ — I массив.

Организация информационной и библиотечной деятельности — II массив.

Информационно-поисковые языки — III массив.

Информационно-поисковые системы — IV массив.

Каждый массив представлен 10 выборками по 250 терминоупотреблений, т. е. общий объем — 10000 терминоупотреблений.

Информатика, являясь относительно «молодой» наукой, имеет ряд особенностей, обусловленных предметом данной науки и ее методами.

Тесная связь информатики с другими научными дисциплинами приводит к включению в тексты по проблемам информатики значительного числа терминов из смежных отраслей знания.

Другой особенностью терминологии информатики является ее незавершенность и непрекращающийся процесс пополнения и развития данной терминосистемы.

Многие из вновь образующихся терминов могут оказаться речевыми образованиями и не войти в систему данной терминологии, оставаясь принадлежностью сферы функционирования (т. е. текстов по проблемам информатики, часто одного автора). Такие единицы целесообразно именовать «терминами речи».

Другие термины, обозначающие основные понятия науки, употребляются в подавляющем большинстве текстов по информатике, что является одним из свидетельств «жизнеспособности» данного термина в терминосистеме, его переходе в разряд «терминов языка», т. е. возможности существовать независимо от воли конкретного индивида. Таким образом, одним из условий перехода термина речи в разряд терминов языка может оказаться **критерий употребимости данного термина различными авторами** (U-критерий), который определяется следующей формулой: $U = \frac{m}{n}$, где n — количество обследованных текстов (разных авторов); m — количество текстов, в которых встретился данный термин.

Очевидно, $0 \leq U \leq 1$.

$U=0$ в том случае, если термин не встречен в текстах вообще и $U=1$, если он встречен во всех текстах. [5].

Критерий употребимости термина в текстах разных авторов является недостаточно строгим, несмотря на то, что основывается на статистических данных.

На языке математики критерий U можно охарактеризовать как необходимое, но недостаточное условие отнесения термина к разряду терминов языка. Необходимость U -критерия также относительна, поскольку тематика работ даже в одной отрасли столь разнообразна, что тексты могут в достаточной степени различаться составом включенных в них терминологических единиц. Поэтому целесообразно U сформулировать как **критерий употребимости термина разными авторами в однородных тематических текстах**.

Так, в обследованном нами материале низкая частота употребления таких терминов, как «информационный работник», «библиотекарь», «библиотека», «общегосударственная система информации» и т. п. в массивах III, IV («Информационно-поисковые языки» и «Информационно-поисковые системы») объясняется тематической направленностью статей, в которых, как правило, рассматриваются теоретические вопросы организации ИПЯ и разработки ИПС.

С большей вероятностью те же термины могут функционировать в текстах массива II — Организация информационной и библиотечной деятельности (в СССР).

Аналогично появление таких терминов, как «тезаурус», «коэффициент точности выдачи», «коэффициент полноты выдачи», «метод индексирования документов», «дескриптор» вполне обоснованно ожидать в массивах III—IV.

Другим критерием отнесения термина в разряд языковых терминоединиц может служить также основанный на количественных данных **критерий частоты употребления Q** — критерий, характеризующий распространенность термина в тексте.

Очевидно, что термины, имеющие большую частоту (x_i) в текстах с большим основанием могут быть отнесены к разряду терминов языка (ТЯ).

На примере анализируемой терминологии можно убедиться в том, что термины с достаточно высокой частотностью имеют в системе большую значимость, являются смысловым ядром терминосистемы. Именно такие термины могут быть определены как термины языка данной науки.

Такими в терминосистеме информатики являются термины:

- потребитель ($\Sigma x_i = 41$),
- реферат ($\Sigma x_i = 48$),
- поисковое предписание ($\Sigma x_i = 6$),
- система ИРИ ($\Sigma x_i = 25$),
- система информационного обслуживания ($\Sigma x_i = 8$).

Третьим критерием при решении вопроса об отнесении термина к разряду терминов языка или терминов речи может оказаться **критерий участия терминов в образовании терминологических сочетаний (ТС) более сложных структурных типов (W-критерий)**. Для того, чтобы охарактеризовать работу этого критерия, оказалось необходимым проанализировать вхождение терминов с числом компонентов « n » в ТС с $L > n$, где L — длина термина (число полнозначных слов), (поэтому W назовем «**критерием вхождения**»).

Можно предположить, что частоты вхождений будут иметь достаточные для статистических сравнений и обобщений величины для терминов с $1 \leq L \leq 3$. Исходя из этого предположения была изучена статистика вхождений 1, 2, 3-словных терминов, которая отражена в словаре, имеющем следующие характеристики:

- 1) номер термина в словаре N n/n ;
- 2) термин ($1 \leq L \leq 3$);
- 3) число слов в термине (L_T);
- 4) Σx_i — суммарная частота самостоятельного употребления термина (по выборкам) в каждом массиве;
- 5) Σv_i — частота вхождения данного термина в ТС большей длины в каждом массиве. (См. фрагмент словаря вхождений).

Из приведенных данных следует, что термин «автоматизированная информационная система», состоящий из 3-х слов, употреблен 1 раз во II массиве, дважды он выступал в качестве компонента 4- и 10-словных ТС, три раза — в составе 5-словного ТС. Таким образом, суммарная величина вхождений данного термина в ТС более сложной структуры превышает суммарную частоту его самостоятельного употребления. Аналогично 3-словный термин «автоматизированная поисковая система», самостоятельно употребленный дважды в выборках II массива, является частью 4, 5, 10-словных ТС всего 6 раз, т. е. 6 раз он участвует в образовании терминов более сложной структуры.

Если принять $W = \frac{\sum v_i}{\sum x_i}$, где

x_i — частота самостоятельного употребления термина (по выборкам) в каждом массиве,

v_i — частота вхождений данного термина в терминологические словосочетания большей длины в каждом массиве,

то для термина «автоматизированная информационная система» $W=7$. Очевидно, термины, частота вхождений которых превышает частоту их самостоятельного употребления (т. е. $W \geq 1$), более тяготеют к терминам языка. Эти терминоединицы, как правило, закреплены в языке отрасли, оказываются смысловым центром, вокруг которого строится вся система терминов данной отрасли знания.

**Фрагмент словаря вхождений малосоставных терминов
в многокомпонентные ТС**

№ пп.	Термин	L_T	X_I	X_{II}	X_{III}	X_{IV}	V_I	V_{II}	V_{III}	V_{IV}	Σx_i	Σv_i	W	
14.	Автоматизированная информационная система	3	1					2_4	3_5	2_{10}		1	7	7
15.	Автоматизированная поисковая система	3	2					2_4	2_5	2_{10}		2	6	3
16.	Автоматический перевод	2	1										1	
17.	Автоматический поиск информации	3	1										1	
18.	Автоматическое индексирование	2	1										1	
19.	Автоморфизм	1	1				1_4					1	1	1
20.	Автономная подсистема	2	1				1_3					1	1	1
21.	Автономный режим	2	1	1				1_{10}				1	1	1

Ниже приведены примеры многосоставных ТС, включающих в качестве компонента односоставный термин «запрос»:

автор запроса; анализ запросов абонентов, возможность корректировать запрос, время поступления запроса, выданные на запрос документы, выдача адреса документа по данному запросу, запрос по теме, запрос потребителя, индексирование запросов абонентов, информационное обслуживание в режиме «запрос-ответ», информационный запрос, перевод информационного запроса в поисковое предписание, поиск по тематическим запросам

научно-технического характера, список тем запросов разработчика.

Фрагмент словаря терминов языка информатики

T	Σx_i	Σv_i	W
Ключевое слово	6	46	7,66
Комплектование фондов	3	31	10,33
Критерий смыслового соответствия	30	30	15,2
Массив документов	9	29	3,22
Массив справочных документов	10	32	3,2
Материал	7	79	11,28
Научно-техническая информация	2	34	17,0
Обмен информацией	2	7	3,5
Обработка информации	2	7	3,5
Обратная связь	10	32	3,2
Объем информации	7	79	11,28
Описание документов	2	34	17,0
Основной тезаурус	2	7	3,5
Отладка системы	2	7	3,5
Отраслевая информационная система	2	13	6,5

Подобный анализ терминологии может оказаться полезным при решении вопроса о включении того или иного термина в терминологический словарь. Следуя описанному способу, можно выделить из любой терминосистемы наиболее значимые и весомые для отрасли термины, которые являются конструктивным материалом при обсуждении проблем данной области знания, при построении речевых терминологических образований.

Очевидно, что критерий W не будет давать достоверные результаты для терминов с $L > 3$, поэтому в данной работе не рассматривалось вхождение таких терминов в ТС большей длины.

Однако это не означает, что среди 4-х, 5-ти и т. д. ТС отсутствуют термины языка. Вопрос об отнесении таких многокомпонентных ТС к терминам языка или терминам речи следует решать, основываясь на их логико-семантическом анализе [6].

Таким образом, представляется своевременным распространение на терминологию общеязыкового противопоставления

«язык—речь». В соответствии с этим предполагается различать термины языка и термины речи. Основанием для подобного разграничения служит неравная значимость терминологических единиц в условиях их реального функционирования. При решении вопроса об отнесении терминологической единицы к разряду языковых или речевых образований основным продолжает оставаться их логико-семантический анализ. В качестве «подсобных» могут использоваться данные статистического анализа. В достаточных по объему массивах однородных тематических документов, основываясь на логико-семантическом анализе текстов и используя предложенные критерии, окажется возможным установить группы терминов языка и терминов речи для данной области знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Головин Б. Н. О некоторых проблемах изучения терминов. — В сб.: Научный симпозиум «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики». М., изд-во МГУ, 1971, ч. 1, стр. 64.
2. Пиотровский Р. Г., Турыгина Л. А. Антиномия «язык—речь» и статистическая интерпретация нормы языка. — В сб.: Статистика речи и автоматический анализ текста Л., 1971.
3. Соколов Н. А. Терминология как особый раздел лексики (к истории вопроса). — Сборник статей по линг. и методике препод. ии. яз.— М., 1973.
4. Даниленко В. П. Русская терминология. М., 1977.
5. Аналогичная величина, называемая относительным вхождением (ОВ), была ранее предложена в работе Андреева Н. Д. Распределительный словарь и семантические поля. — В сб.: Статистико-комбинаторное моделирование языков. — М.—Л., 1965. Методикой Андреева Н. Д. устанавливается так называемая «мера терминологичности» слова для данного подъязыка по сравнению с другими. В нашем случае в пределах одного подъязыка решается вопрос о терминологичности слова или словосочетания.
6. Головин Б. Н. О некоторых доказательствах терминированности словосочетаний. — В сб.: Лексика, терминология, стили. Вып. 2. — Горький, 1973.

ПОЛИСЕМИЯ НАУЧНЫХ ТЕРМИНОВ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

В. Н. Немченко

Горьковский университет

Согласно широко распространенному мнению одним из отличительных признаков научного термина (по сравнению со

словами и словосочетаниями общего употребления) является его однозначность. Однако изучение конкретных терминологических систем и подсистем (микросистем) убедительно показывает, что в терминологической лексике, так же как и среди слов общего пользования, довольно широко распространено такое явление, как многозначность или полисемия. По совершенно справедливому утверждению Н. З. Котеловой, «лишь распространенным заблуждением является представление об однозначности термина (как в смысле моносемии, в отличие от полисемии, о которой сейчас речи нет, так и в смысле однакового понимания термина в определенном его значении в случае полисемии), однозначности, выводимой как следствие приписываемой термину истинности отражения действительности» [12, с. 37].

Проблема полисемии в научной терминологии и, в частности, семантической дифференциации многозначных терминов представляется исключительно важной, так как от использования терминов главным образом зависит точность описания научных понятий. Это в равной мере относится и к лингвистической терминологии, к использованию многозначных лингвистических терминов, на что неоднократно обращалось внимание в специальной литературе: «Обычны и в языкоизнании ситуации непонимания, ложных затруднений или получения неверных выводов, возникающие из-за неразличения разных значений таких терминов, как *язык, речь, мышление, система* и др.» [12, с. 38]. Устранению подобных ситуаций во многом должны способствовать специальные терминологические словари, раскрывающие семантическую структуру полисемичных терминов.

В настоящей статье рассматриваются некоторые вопросы лексикографического описания полисемичных терминов в одном из возможных типов терминологических словарей. Речь идет о полном терминологическом словаре-справочнике по словообразованию, готовящемся на кафедре современного русского языка и общего языкоизнания Горьковского госуниверситета, который предназначается прежде всего для учебных целей.

В картотеке названного словаря-справочника насчитывается около четырех тысяч терминов, извлеченных (вместе с текстовыми иллюстративными примерами) из специальных лингвистических работ советских ученых по вопросам словообра-

зования, среди которых большое место занимают термины полисемичные.

В качестве полисемичных выступают преимущественно простые, однословные термины; к полисемичным относится около половины простых терминов. Это такие лингвистические (словообразовательные) термины, как, например: *аббревиация, аффиксация, дезаффиксация, деривация, интерфикс, инфикс, композиция, конверсия, маркер, морфонема, морфонемика, окончание, основосложение, повтор, постфиксация, префиксация, редеривация, слияние, словоизделие, словоизложение, словоэлемент, сложение, сращение, субморф, суффиксация, тема, транспозиция, формант* (в черновом варианте словаря нами выделяется по два значения), *аббревиатура, аффикс, морфема, морфонология, наращение, постфикс, суффикс, флексия, форматив* (по три значения), *словообразование* (5 значений) и др.

Удельный вес полисемичных терминов среди составных (двусловных и многословных) терминологических единиц значительно меньше, хотя общее их количество достаточно велико. Вот некоторые примеры полисемичных составных терминов из чернового варианта нашего словаря-справочника: *аффикс единичный, аффикс живой, аффикс продуктивный, аффиксация нулевая, безаффиксное слово, корень связанный, корневое слово, морфема постфиксальная, морфема синтаксическая, морфема формальная, морфемный состав слова, основа слова производящая, основа слова простая, основа слова сложная, первичное слово, продуктивность морфемы, регулярность аффикса, словообразование парасинтетическое, словообразовательный класс, словообразовательная парадигма, словообразовательная цепочка, словообразовательные связи, сложное слово, способ словообразования, структурная форма слова, суффикс грамматический, тематический гласный, тип словосложения, флексия основы слова* (отмечается по два значения), *морфема соединительная, основа слова корневая, основа слова чистая, производное слово, словообразование синтаксическое, словообразовательная категория, тип словообразования* (по три значения), *словообразовательный тип* (четыре значения), *словообразовательный ряд* (пять значений) и мн. др.

Имеют место многочисленные случаи, когда тот или иной термин употребляется в разных значениях одним и тем же ученым, а нередко — в одной и той же работе. Ср., например,

использование термина «словообразовательный тип» в работах В. В. Виноградова: «Само собой разумеется, что в пределах разных частей речи активность отдельных словообразовательных типов неодинакова. Так, префиксальный тип в чистом виде почти не встречается в кругу имен существительных...» [3, с. 3]; «В кругу имен существительных женского рода, относящихся к твердому склонению, должны быть признаны живыми и производительными до пятидесяти словообразовательных типов. Суффиксы твердого женского склонения очень разнообразны». [4, с. 132]. Ср. употребление В. Н. Троицким термина «тип словообразования»: «...необходимо прежде всего отметить существенное различие между префиксацией и суффиксацией. Это, по сути дела, совсем разные типы словообразования». [23, с. 288]; «...предбанник и предгорье, несмотря на один и тот же префикс, не ощущается одинаковым типом словообразования...» [23, с. 291] и т. д. и т. п.

При описании полисемичных терминов учитываются все их значения и оттенки значений. Однако в тех случаях, когда один и тот же термин обозначает лингвистические понятия, относящиеся к разным областям языкоznания, в нашем словаре описываются лишь те из них, которые относятся к области словообразования (включая словообразовательную морфемику). Так, например, для термина «деривация» указывается значение «процесс образования производных слов» и оттенок этого значения «образование простых, одноосновных производных» (в противоположность термину «композиция»), хотя в современном языкоznании данный термин используется и в более широком значении — для обозначения процесса образования языковой единицы вообще; для термина «лексема» указывается лишь значение «морфема, выражающая лексическое значение слова или участвующая в его выражении» (т. е. корневая или словообразующая морфема); для термина «форма слова» указываются значения: «то же, что производное слово»; «то же, что морфема», а также оттенок последнего значения — «то же, что морфема грамматическая» и т. д.

Особую проблему представляет разграничение разных значений термина и оттенков значений. В основу такого разграничения может быть положен следующий принцип: в качестве разных значений термина выделяются такие значения, которые соотносятся с разными родовыми понятиями и, следовательно, при определении которых указываются (или могут

быть указаны) разные родовые признаки, например: **словообразование** — языковой процесс, в результате которого создаются производные слова; **область языковой структуры**, представляющая собой систему производных слов и других словообразовательных единиц; **раздел языкоznания**, занимающийся изучением образования, строения производных слов и т. д.; в тех случаях, когда разные семантические разновидности (лексико-семантические варианты) термина соотносятся с одним и тем же родовым понятием и отражают различия лишь видовых признаков соответствующих понятий, можно говорить об оттенках одного и того же значения термина, например: **аффикс** — то же, что *служебная морфема*; *служебная морфема*, кроме окончания; *служебная морфема*, выполняющая словообразовательную функцию, и т. д.

Для терминологического словаря, особенно учебного предназначения, немаловажное значение имеет порядок расположения описываемых значений научных терминов. В словаре рассматриваемого типа представляется наиболее целесообразным указывать на первом месте те значения полисемичных терминов, которые в современном языкоznании являются наиболее обычными, с которыми данные термины чаще используются в современной специальной литературе. Так, например, для термина «суффикс» на первом месте указывается значение «служебная морфема, располагающаяся в слове после корня», на последнем месте — значение «то же, что окончание»; для термина «интерфикс» на первом месте приводится определение значения «звук или звукосочетание, служащие для соединения суффикса с основой», на втором месте — «то же, что соединительный гласный (соединительный элемент)».

В тех случаях, когда достаточно ярко различаются первичные, номинативные значения терминов и значения вторичные, переносные, на первом месте описываются номинативные значения, например: **сложение** — «образование сложных слов»; «то же, что сложное слово»; **сращение** — «образование производных слов лексико-синтаксическим способом словообразования»; «производное слово, образованное лексико-синтаксическим способом словообразования»; **способ словообразования** — «способ изменения производящего слова или словосочетания, в результате которого возникает (образуется) новая лексическая единица»; «свойство производного слова, оп-

ределяемое характером словообразовательного форманта, видом основных словообразовательных средств».

Лексикографическое описание полисемичных научных терминов можно проиллюстрировать примером словарной статьи, посвященной семантической характеристике термина «словообразование»:

1. Языковой процесс, в результате которого на базе существующих в языке слов или словосочетаний создаются новые словарные единицы. «Словообразование является основным средством обогащения словарного состава языка, пополнения словаря новыми лексическими единицами». [16, с. 5]. «Словообразование представляет собой путь развития словаря, существенно отличающийся по характеру своих процессов от других путей обогащения лексики». [20, с. 85]. «Словообразование... выступает как основной источник пополнения словарного состава языка и осуществляется разными способами (аффиксация, словосложение, синтаксическое и семантическое словообразование)». [21, с. 26].

◆ Образование новых слов без участия морфемных средств, словообразующих морфем. «По-видимому, целесообразнее всего было бы различать словообразование (т. е. образование новых слов с помощью морфологических средств) и собственно словообразование (т. е. образование новых слов путем комбинаций уже существующих слов или путем переосмыслиния их форм)». [5, с. 144].

◆ Образование новых слов с помощью аффиксов; аффиксальный способ словообразования. «Словообразование в современном русском языке осуществляется только при помощи аффиксов, т. е. является чисто аффиксальным». [22, с. 95]. «... выявляется восемь способов словообразования: словообразование (аффиксация), преобразование лексических единиц, слияние, контаминация, трансформация, заимствование, звукоподражание и воспроизведение». [22, с. 76].

2. Структура производного слова, определяемая его взаимоотношением с соответствующим производящим словом или словосочетанием. «Словообразованием принято называть ряд разных явлений: структуру слова, структурно-семантические связи между родственными словами и процессы возникновения новых слов». [21, с. 1]. «Словообразование имеет ту особенность, что оно представляет собой одновременно и процесс

и его результат, находящий свое выражение в структуре слова». [19, с. 161]. «Особенно отчетливо выявляется разница между словообразованием и морфологией основ при их синхронном описании». [1, с. 129].

◆ Производное слово определенной словообразовательной структуры. «Слова, выделяющиеся своей необычностью, новизной, «индивидуальные словообразования», фигурирующие в словоупотреблении только одного или нескольких лиц, могут характеризоваться как окказионализмы лексические». [6, с. 124]. «... словосложение обычно относят к группе словообразований, определяемой как грамматическая синтагма, т. е. полнозначный лингвистический знак». [18, с. 73].

3. Область языковой структуры, представляющая собой систему производных слов и других словообразовательных единиц. «В самой общей форме можно... утверждать, что словообразование — с точки зрения конкретного языка — представляет собой одну из частных лингвистических подсистем этого языка, отдельный языковой уровень, автономный в силу того, что он характеризуется собственными элементарными единицами...» [14, с. 74]. «Словообразование представляет собой специальную языковую систему — совокупность связанных между собой элементов и их классов». [10, с. 9]. «...словообразование... представляет собой особый, специфический объект исследования, особую систему, которую целесообразно описывать отдельно от морфологии». [17, с. 6]. «В исследованиях по теории и истории языка словообразование является одной из наименее изученных и мало разработанных сторон языка». [9, с. 233]. «... словообразование — это совокупность слов в их стандартно-индивидуальных или аналогически-индивидуальных отношениях друг к другу, возникающих в процессе «порождения» одного слова другим (или другими)». [7, с. 29]. «Термин словообразование также употребляется... для обозначения словообразовательного строя языка...» [11, с. 5].

4. Действующий в языке механизм создания новых слов на базе существующих лексических единиц. «... словообразование — это некий весьма разветвленный и сложный механизм, производящий слова...» [7, с. 38]. «... словообразование служит прежде всего созданию новой лексемы, созданию нового знака посредством отсылки к другому знаку». [13, с. 190]. «Представляя собой собрание способов, правил образования новых слов, словообразование не менее тесно связано и с грамматикой, с грамматическим строем языка». [25, с. 5].

5. Раздел языкоznания, занимающийся изучением вопросов образования и строения производных слов, образующих словообразовательную систему языка. «Словообразование как научная дисциплина должно занять важное место в кругу других областей языкоznания». [5, с. 152]. «Ведь одной из важнейших задач словообразования является установление активно действующих правил и моделей, в соответствии с которыми создаются новые лексические единицы...» [26, с. 162]. «Словообразование изучает закономерные, типизированные способы создания новых слов на базе существующих языковых элементов...» [2, с. 3]. «Словообразование — раздел языкоznания, изучающий производные: способы их создания и функционирования». [14, с. 74]. «Словообразование сравнительно недавно... стало рассматриваться в качестве самостоятельной научной дисциплины». [24, с. 3]. «... словообразование изучает целые серии (ряды) одинаковым образом построенных слов». [11, с. 10]. «Основной объект словообразования — слова производные». [10, с. 21]. «Краеугольным камнем словообразования как раздела науки о языке считается проблема производности основы (или слова)». [27, с. 532].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Некоторые вопросы морфологии в связи с построением описательной грамматики (на материале испанского языка). — В кн.: Вопросы составления описательных грамматик. М., Изд-во АН СССР, 1961.
2. Арутюнова Н. Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., Изд-во АН СССР, 1961.
3. Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования. — Русский язык в школе, 1951, № 2.
4. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.—Л., Учпедгиз, 1947.
5. Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. М., Изд-во АН СССР, 1952.
6. Габинская О. А. Пополнение лексики современной русской литературной речи слитными словами. — Изв. Воронежского пед. ин-та, Воронеж, 1969, том 68.
7. Головин Б. Н. Замечания к теории словообразования. — Учен. зап. Горьковского ун-та, Горький, 1967, вып. 76.
8. Грамматика современного русского литературного языка. М., Наука, 1970.
9. Дементьев А. А. Заметки по русскому словообразованию. — Учен. зап. Куйбышевского пед. ин-та. Куйбышев, 1955, вып. 13.

10. Зверев А. Д. Словообразование в современных восточно-славянских языках. М., Высшая школа, 1981.
11. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., Просвещение, 1973.
12. Котелова Н. З. Семантическая характеристика терминов в словарях. — В кн.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., Наука, 1976.
13. Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа. (На материале германских языков). М., Наука, 1974.
14. Кубрякова Е. С. Что такое словообразование. М., Наука, 1965.
15. Левковская К. А. О словообразовании и его отношении к грамматике. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. М., Изд-во АН СССР, 1952.
16. Левковская К. А. Словообразование. Материалы к курсам языкоznания. М., Изд-во Московского ун-та, 1954.
17. Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. М., Наука, 1977.
18. Мостовой Н. И. К вопросу образования инноваций в области словосложения в современном английском языке. — В кн.: Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. Владивосток, 1973, вып. 1.
19. Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики. (На материале современного немецкого языка). М., Высшая школа, 1968.
20. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М., Изд-во литературы на иностр. яз., 1953.
21. Тимофеев К. А. О некоторых вопросах словообразования. Из лекций по современному русскому языку. Новосибирск, 1966.
22. Торопцев И. С. Словопроизводственная модель. Воронеж, Изд-во Воронежского ун-та, 1980.
23. Троицкий В. Н. Основные принципы словообразования. — Учен. зап. Первого Ленинградского пед. ин-та иностр. яз. Л., 1940, том. 1.
24. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., Наука, 1977.
25. Шанский Н. М. Основы словообразовательного анализа. М., Учпедгиз, 1953.
26. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М., Изд-во Московского ун-та, 1968.
27. Янко-Триницкая Н. А. Членность основы русского слова. — Изв. АН СССР. Серия литер. и яз. М., 1968, том. 27, вып. 6.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕРМИНОВ

И. А. Петрова

Горьковский пединститут

Термины, как и все остальные слова языка, реализуют свое значение при сочетаемости с другими словами — в тексте. При

этом термины обычно не подвергаются метафоризации, замене контекстуальными синонимами, не приобретают эмоционально-экспрессивных оттенков. Возникающие в результате работы мысли исследователя так называемые речевые термины лишены оценочности — «беспристрастны». Типичное лексическое окружение терминов — слова нейтральные или книжные, в научном тексте, как правило, отсутствуют фразеологизмы (сращения, единства), сравнительные обороты, тропы, фигуры и т. п. Все это — в природе как самих терминов, так и научного стиля — главной сфере их применения. Однако основные закономерности употребления терминов не исчерпывают всех условий их существования. Каковы же некоторые особые случаи функционирования терминов, как связаны они со спецификой терминологического значения, какие свойства терминов выявляют, какое влияние оказывают на характер научного текста и его восприятие? Какова их обусловленность объективными и субъективными факторами: областью науки, в которой они выступают, и личностью автора, их создателя? Материалом изучения послужила лингвистическая работа — книга В. А. Звегинцева «Предложение и его отношение к языку и речи». [1].

Выделены следующие разновидности нестандартного функционирования терминов: 1. пристрастность, тенденциозность речевых (авторских) терминов; 2. контекстуальная синонимия; 3. нетипичное лексическое окружение. Рассмотрим каждую из разновидностей.

1. Речевые термины «псевдопредложение», «псевдосмысл» (с. 186, 293 и др.) созданы автором для номинации предложения (и его семантики) как грамматической модели с лексическим наполнением, но не отнесенной к конкретной ситуации, возникшей не при коммуникации, не в результате потребности мыслеобразования, существующей не в дискурсе, а как «лингвистический пример», как иллюстрация предложения. Термину «псевдопредложение» соответствует определенная реалия, с которой давно и успешно работают (и будут работать) в лингвистике — как в научно-исследовательском, так и в учебно-методическом плане. Явление, именуемое в книге В. А. Звегинцева псевдопредложением, — это, в сущности, предложение как факт нормы в трихотомии языка — система, норма, узус; в дихотомии язык — речь оно терминологически не ограничивается от предложения в реальном речевом акте; не раскрыто и его понятийное содержание. Таким образом, терминологи-

ческое обозначение этой реалии необходимо. Однако наименование «псевдопредложение» («псевдосмысл» и его синоним «суррогат смысла» [1, с. 200]) не соответствует природе и назначению термина. Внутренняя форма (лже — якобы, а у «суррогат» — даже «подделка», «фальсификация») свидетельствует об отрицательном отношении автора к тому, чем, по его мнению, слишком долго занималось языкознание — вместо того чтобы изучать свой действительный предмет — предложение в тексте, в дискурсе. Вводимые термины обладают эмоционально-экспрессивной окраской, тенденциозны, пристрастны. Термины такого рода выступают как полемическое средство, как призыв активнее обращаться к исследованию языка в функциональном аспекте, как пропагандирование «лингвистики текста». Между тем функциональная лингвистика не может обойтись без своего фундамента — конструктивной лингвистики, в которой предложение рассматривается на разных ступенях абстракции. Называть его термином, включающим элемент «псевдо», — значит игнорировать взаимосвязи языка и речи, не учитывать тот факт, что без этой «лжеединицы» познание синтаксиса (в том числе и функционального) невозможно. Используемые В. А. Звегинцевым наименования не удовлетворяют важнейшему свойству терминов — выражению чисто понятийного содержания, нейтральности, их функционирование в научном тексте лишает его объективности.

2. В книге «Предложение и его отношение к языку и речи» часто встречается контекстуальная синонимия терминов.

В новое лексическое окружение, в сферу научного языковедческого текста, помещаются слова нетерминологические (разных лексических и семантических пластов) или термины другой области науки. Например, в лингвистической работе употреблены такие слова и словосочетания: заготовки, полуфабрикаты предложений (вместо термина словосочетание), шаблоны, трафареты (вместо «языковые модели»), знаковый этаж (вместо «знаковый уровень»), предписания, лингвистические рецепты (вместо «правила языка»), лингвистические координаты парадигматических и синтагматических отношений, лингвистические рельсы, по которым движется мысль (вместо «единицы и правила языка»), анатомия, анатомирование (вместо «анализ языка»), фокус предложения (вместо «рема»), слепки с предложения, детали для мысли (вместо речевого, созданного автором термина «псевдопредложение»), суррогат смысла (вместо авторского «псевдосмысл»).

В основе образования многих синонимов к терминам лежит метафорический перенос наименования, обусловленный реальным сходством предметов и явлений внешнего мира и протекающий в общем так же, как подобный процесс речевого трансформирования слов в нетерминологической функции: базой переноса наименования является один из компонентов прямого значения, другие его семантические составляющие опускаются, хотя и «просвечивают» в новом смысловом образовании, возникшем в результате взаимодействия «переносимых» компонентов с иным, терминологическим, содержанием. Так, в прямом значении «анатомия» — наука о внутреннем строении живого организма, «анатомизировать» — вскрывать, рассекать трупы для научных или судебно-медицинских целей. Основа метафоризации — компоненты «внутреннее строение», «рассечение с научной целью»; в лингвистическом контексте «анатомия» — наука о внутреннем строении языка, «анатомизование» — расчленение, препарирование с научной целью его главной единицы — предложения. Семантическая двухплановость, неотъемлемое свойство переносных значений, характерна и для метафоризации терминов: второй план создается прямым значением слов, в первую очередь, их компонентами, отсутствующими в новом семантическом применении слова, в его функционировании в другой смысловой сфере. При создании метафоры-термина, как и любой метафоры, приходят в движение ассоциативные поля, присущие каждому слову, возникает одновременное представление о реальном протекании явлений и процессов, обозначаемых словом как в прямом, так и в переносном значении, — термин также способен приобретать образность. Однако в большинстве случаев образность контекстуальных синонимов к лингвистическим терминам стерта или ослаблена, ибо речевое использование слов в терминологической функции опирается обычно не на первичные, специализированные значения, а на значения (или активные употребления) производные, вторичные, зафиксированные в словаре. Значения эти обобщенные, широкие, способные относиться к разным явлениям действительности, поэтому их появление в специальном тексте, использование в процессе научного мышления — не аномалия, не нечто чуждое природе языка. Производные значения обобщенного характера (с широким объемом понятия и узким содержанием) имеют слова «трафарет, шаблон, рецепт, фокус», энергично развивающие их слова «полуфабрикат, этаж, анатомия, координа-

ты». Языковедческий контекст конкретизирует обобщенные значения этих слов, терминирует их (так, трафареты, шаблоны — не просто «готовые, раз навсегда принятые образцы», но «готовые образцы построения предложений»; фокус — «центр, средоточие, очаг», не в широком смысле, но коммуникативный (актуальный) центр предложения); слова превращаются в речевые синонимы лингвистических терминов.

Контекстуальные синонимы — термины выполняют выделяющую, экспрессивную функцию: привлекают внимание к привычным, казалось бы, лингвистическим понятиям, создают выразительность, живость научного текста. Кроме того, ими, как и любыми синонимами, передаются оттенки смысла, позволяющие более точно сформировать и сформулировать мысль. Так, словами «предписания», «лингвистические рецепты», «лингвистические координаты», «лингвистические рельсы, по которым движется мысль» подчеркивается упорядоченность (этимон слова «координата»), нормативность, системность — статичность языка, антиномия языка и речи: предложения в живой речи, «хотя обычно и следуют предписаниям построения моделей, нередко позволяют себе свободно переступать эти предписания» [1, с 182]. Раскрывается сложный характер взаимосвязи языка и мышления, творческий характер мышления, его ведущая роль по отношению к языку: «псевдосмысл, синтезируемый по лингвистическим рецептам», не достигает качеств действительного смысла, образует его суррогат» [1, с. 200]. С помощью слов с более «сильным» значением, чем нейтральное «правило», посредством терминов точных наук автор хочет подчеркнуть отличие языка от других семиотических систем, гуманитарную природу лингвистики. Синонимия терминов придает научному изложению эмоциональную окраску, используется для пропаганды функциональной лингвистики, изучения предложения в тексте, в дискурсе, со всем богатством его пресуппозиций.

3. Функционирование терминов в нетипичных лексических условиях выступает в книге В. А. Звегинцева как их сочетаемость со словами, употребленными в переносных значениях, в окружении возвышенной или разговорной лексики, в контексте, содержащем синонимы, фразеологизмы, сравнения, слова, заключенные в кавычки. Изменение нейтральной или книжной лексической среды, главной сферы существования терминов, является средством создания экспрессии, эмоционального изложения научного содержания.

Так, например, тот факт, что в Грамматике-70 отсутствует описание предложения в дискурсе, именуется В. А. Звегинцевым «грамматический геноцид» [1, с. 164]. Смысл, содержащийся в данной метафоре, — «насильственное, противостоящее устранение, уничтожение, истребление», а также так называемые ассоциативные поля, связанные со словом «геноцид», придают научной полемике излишне боевой, атакующий характер. Прием, выступающий как средство пропаганды «лингвистики текста», думается, способен привести к обратному результату: убеждению в правомерности и необходимости воссоздания синтаксиса языка в отвлечении от его реального речевого воплощения; он активизирует у читателя стремление к научной объективности.

Для иллюстрации известной мысли «в языке есть только общее» автор пишет о его «абстрактной, разреженной смысловой атмосфере» [1, с. 174], о том, что «сгущение», «насыщение» языковых единиц происходит при их использовании для работы живой мысли. О псевдопредложениях, которые имеют лишь внешние признаки предложения (грамматическую оформленность, интонацию и проч.), говорится, что они находятся «в пустоте», вне конкретного применения [1, с. 185]. — Подобные речевые метафоры способны возбуждать не только логическое мышление, но и вызывать представления; раскрытию понятийного содержания терминов содействует их образная характеристика.

В. А. Звегинцев в научном тексте широко употребляет слова в их вторичных, переносных значениях — языковые метафоры. Например: слово **многолико** [1, с. 53], грамматические значения **выковались** в предложении, **подсказаны** внелингвистической действительностью [1, с. 95], пресуппозиции **вклиниваются** между глубинной и поверхностной структурой [1, с. 242] и т. п. Посредством сочетаемости со словами, выступающими во вторичных, более живых обновленных значениях, проявление понятийного содержания терминов в принципе не меняется (по сравнению с контекстом «обычным», нейтральным) — ср. «грамматические значения» **выковались** (сформировались, создались) в предложении, «**подсказаны** внелингвистической действительностью» — являются ее отражением... Однако использование «свежих» слов делает смысл терминов более наглядным, способствует его усвоению. — Слова с переносным значением «обслуживают» термины также, как и лексику другого типа.

Лингвистические термины могут существовать в контакте со словами, значения которых синонимичны нейтральным или книжным, но эти слова имеют иную сочетаемость, входят в иное семантическое поле. Например: «при всей своей **привлекательности** компонентный анализ связан с весьма существенными трудностями и обладает значительными **слабостями**» [1, с. 71]. «Двойственность предложений... — характерная черта загадочности их натуры» [1, с. 174]. «Предложение стремится уклониться от принципа линейности» [1, с. 168].— Выделенные слова обычно характеризуют живые существа, а не научные понятия. В. А. Звегинцев говорит о **репертуаре** выразительных средств языка, который образуют пресуппозиции [1, с. 271], о **путевых указателях**, которым следует развитие скрытых категорий [1, с. 261], о **демаркационной линии** между «правильным» псевдопредложением и собственно предложением [1, с. 193] и т. д. Иногда характеристика лингвистических терминов осуществляется с помощью целого синонимического ряда, в котором есть слова нейтральные, специально-научные, эмоционально окрашенные, метафорические. Например, для характеристики употребления предложений используются синонимы «необычное, странное, отклоняющееся, не-грамматичное» [1, с. 274]. Если смысл псевдопредложения, пишет исследователь, это что-то «неподвижное, законсервированное, мертвое», то смысл предложения отличает «гибкость, подвижность, продуктивность» [1, с. 188].— Назначение синонимии и антонимии в терминологическом контексте тоже, что и в иной лексической среде: более энергичное воздействие на сознание читателя — на его мыслительную и эмоциональную сферу, усиление эффективности передаваемой информации.

О лингвистических терминах повествуется также «высоким стилем»: **«верховным принципом** для речи является не язык с его «нормами», а смысл, который, в свою очередь, есть **представитель интересов главного руководителя** всей этой деятельности — мысли» [1, с. 176]; дискурс ... «отдает себя во власть этих пресуппозиций» [1, с. 280]; «вторая ипостась пресуппозиций»... [1, с. 276]; предложение «по всей строгости лингвистических знаков, если не найдет иных оправданий, должно быть изгнано из языка» [1, с. 168] и т. д. Столь же свободно, хотя и менее часто, лингвистические термины оказываются в окружении сниженных, разговорных слов и выражений: пресуппозиции ... «вольготно пользуются своими

знаковыми правами» [1, с. 290], с ними «невозможно совладать с помощью строгих лингвистических конструкций и правил» [1, с. 230], говорится о «первостатейном значении критерия выделения пресуппозиции» [1, с. 251], об опасности утонуть в их море [1, с. 243], о «негодных средствах», с которыми приступают к выполнению своей задачи лингвисты [1, с. 168], и т. п. Слова и выражения, обладающие определенной стилевой принадлежностью, яркие на фоне лексически нейтрального или книжного научного изложения, не отвлекают от восприятия понятийного содержания текста, а лишь оживляют его, привнося эмоционально-экспрессивный элемент, — разумеется, при условии, если их доля невелика.

Употребление в научном тексте таких разновидностей фразеологизмов, как единства или сращения, также может рассматриваться как одна из нетипичных особенностей функционирования терминов: предикативность «выступает на сцену» [1, с. 164], псевдопредложения строятся «по образу и подобию» предложений [1, с. 293], к проблеме пресуппозиций в науке о языке «давно подбирались ключи» [1, с. 259] и т. д. Происходит проникновение в научный стиль элементов устной, художественной, публицистической речи; понятийное содержание терминов предстает в эмоционально-экспрессивной окрашенности; научному мышлению сопутствуют иные, ненаучные ассоциации.

Лингвистические термины выступают также в контексте со сравнениями: «язык, как сквозь туман, проглядывает сквозь каждое предложение» [1, с. 142], «предложения подобны дверям, распахнутым в бесконечность человеческой мысли» [1, с. 157], пока не возникает потребности в общении, «вся совокупность деталей, подобно блокам и панелям, запасенным для постройки дома, остается лежать без использования» [1, с. 186]. — Художественные приемы могут служить и для передачи научных идей, для их иллюстрации, прояснения, наглядности. Образное, ассоциативное мышление в принципе не мешает, а помогает мышлению понятийному.

Нельзя не остановиться на такой особенности научного текста В. А. Звегинцева, как наличие слов и словосочетаний, заключенных автором в кавычки. Некоторые из них можно определить как иносказания метафорического характера: «иной мир», мир мысли, в который сверхъязыковой добавок переводит предложения из мира языка [1, с. 199], он же «другой мир» [1, 174], «эримый» лингвистический текст и «молчали-

вый» подтекст, благодаря связи которых возникла лингвистическая проблема пресуппозиций [1, с. 215], «глубины языка» — в противоположность его поверхностной структуре [1, с. 301]. В других случаях с помощью кавычек подчеркивается, что слово употреблено не в буквальном значении: «вхождение» в структуру языка новых внеродственных знаний [1, с. 293], «проявление» пресуппозиций, «отключение» предложения от ситуации и превращение его в псевдопредложение [1, с. 200] и др. Иногда кавычки вызваны тем, что терминологическое значение еще не установлено: «открытая» грамматика, «скрытая» грамматика [1, с. 101]. Кавычки выполняют подчеркивающую и выделительную функцию, свидетельствуют о движении, происходящем в семантике слов, о развитии языка — все эти его особенности проявляются, таким образом, на примерах необычного функционирования терминов в научном тексте.

Таким образом, поскольку термины, в силу своей специфики, располагают чисто понятийными значениями, «особые условия» их функционирования возникают при потребности эмоционально-экспрессивного изложения научного содержания. При этом выразительность терминов и содержащего их текста создается с помощью других слов языка, в первую очередь, посредством нестандартной сочетаемости терминов — с использованием переносных значений, синонимов, фразеологизмов, сравнений, а также — их контекстуальной синонимии, появления «тенденциозных» речевых терминов. Отмеченные особенности функционирования терминов в целом совпадают с возможностями речевого употребления слов-нетерминов и имеют ту же предназначность. Это еще в одном аспекте свидетельствует о том, что термины обладают такой же природой, теми же потенциями, что и иные лексические единицы, что они подчиняются основным закономерностям существования, «жизни» и работы слова.

Эмоционально-экспрессивная организация научного текста, содержащего термины, создает непривычный образец научного стиля — живой, красочный, разнообразный по своим языковым средствам, ослабляет его строгость, сухость, сдержанность, расшатывает границы между стилями. Расширяются возможности использования языка для выражения научной мысли. Облегчается усвоение научного содержания, ибо подключаются разные виды мыслительной деятельности, возникают разнообразные ассоциации, поддерживается внимание, ин-

терес к сообщаемому. Отчетливо проступают научные пристрастия автора и его антипатии. Вместе с тем встают вопросы о границах «нестандартного» применения терминов, влиянии характера науки и др.

Элементы эмоционально-экспрессивного использования языка, «необычное» функционирование терминов можно встретить и в других лингвистических работах, а также в научной литературе других областей знания. Данное явление в последнее время начинает привлекать внимание исследователей (М. Н. Кожиной [2], Н. М. Разинкиной [3], Р. К. Терешкиной [4], О. П. Шматова [5], З. В. Соловьевой [6] и др.), однако изучено оно еще недостаточно. Последующие наблюдения дадут возможность более глубоко раскрыть его своеобразие, послужат базой для выводов и обобщений, обогатят не только терминоведение, но и стилистику, учение о культуре речи, психолингвистику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., изд. МГУ, 1976.
2. Кожина М. Н., Титова Л. М. К вопросу об авторской индивидуальности в научном стиле речи. — Исследования по стилистике, в. 5, Пермь, 1976.
3. Разинкина Н. М. Развитие языка английской научной литературы (лингвостилистическое исследование). М., Наука, 1978.
4. Терешкина Р. К. К вопросу об авторской речевой индивидуальности в научных текстах. — Лингвостилистические особенности научного текста. М., Наука, 1981.
5. Шматов О. П. К проблеме общей образности в текстах научного стиля. — Исследование функциональных стилей. М., Наука, 1982.
6. Соловьева З. В. Некоторые особенности использования научной терминологии как структурного элемента метафоры. — Исследование функциональных стилей. М., Наука, 1982.

ТЕРМИНЫ В ПРАКТИКЕ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

Е. В. Капацинская

Горьковский университет

Неупорядоченность филологической терминологии, связанной с изучением художественного стиля, речевой стороны

художественного произведения, отрицательно сказывается в практике школьного обучения. Задачи школьного образования в области знакомства с художественным стилем требуют самого пристального внимания к используемому понятийно-терминологическому аппарату. Усвоение определенной системы понятий, терминологически выраженных, лежит в основе выработки умений и навыков, составляет важное звено обучения.

Для успеха обучения в школе важен самый отбор понятий, заложенных в учебных программах всех годов обучения, соответствие теоретической и практической частей учебников требованиям программ к усвоению определенной системы понятий, непротиворечивость понятийно-терминологического аппарата смежных дисциплин. Внимание лингвистов к терминологии, используемой в обучении, имеет большую практическую значимость [1, с. 15—16].

Понятие о художественном стиле учащиеся получают при изучении русского языка и литературы, умение анализировать речевую сторону художественного текста входит в содержание обучения литературе. Некоторые наблюдения над терминологией, указанной области знания изложены в нашей статье.

Описание наблюдения над школьной терминологией логичнее было бы начать с характеристики системы понятий [2, с. 10—12], используемых в школе при анализе художественной речи, но сделать это не представляется возможным по условиям места. (Можно указать работы, в которых содержатся замечания по этому вопросу — [3, с. 123; 4]). Остановимся только на некоторых недостатках понятийного плана, лежащих в основе недостатков школьной терминологии.

Понятийная система в плане содержания не является достаточно отчетливой и последовательной.

Школьное филологическое образование предполагает усвоение понятия о том, что от воздействия художественного текста возникает конкретно-чувственное представление (образ), что художественная речь выражает авторское отношение к описываемому, что своеобразие художественной речи зависит от наличия каких-то языковых единиц, что сама художественная речь независимо от передаваемого содержания может восприниматься как эстетически значимое явление.

Указанная совокупность понятий как система не реализуется последовательно при изучении ни одного художественного произведения: не сформулирована как совокупность в программе, не раскрыта в теоретической и практической ча-

стях учебников. Так, в программе по литературе для 4-го класса встречаем соотнесение понятия «выразительность» и с художественным текстом в целом («краткость и выразительность пословиц») и с речевой стороной его («выразительность языка сказки А. С. Пушкина...») [5, с. 12], в дальнейшем же изучении литературы в 4-м классе (произведения Н. А. Некрасова, М. Ю. Лермонтова, Н. И. Рыленкова, А. Т. Твардовского) это понятие уже не используется. Только отсутствием последовательности в использовании понятий можно объяснить тот факт, что в учебнике русского языка для 4-го класса намечается возможность усвоения учащимися функций отдельных языковых единиц в речи (роли единиц в создании коммуникативных качеств речи, в том числе и художественной), в учебнике же литературы нет достаточного внимания к свойствам художественной речи и не предусмотрена опора на знания, полученные учащимися на уроках русского языка.

Неотчетливость содержания понятий обнаруживается в том, что программные формулировки часто не отражают иерархических отношений между понятиями, соответствующих отношениям онтологического плана, например, в программе по литературе для 9-го класса находим: «Своеобразие Тургенева — романиста. Красота, выразительность и богатство языка». В одном перечислительном ряду «красота», «выразительность» и «богатство», что может быть следствием непонимания отношений между понятиями, отражающих отношения между соответствующими реальными свойствами (богатство как условие красоты и выразительности). Неотчетливость содержания понятий видна и в некоторых несовпадениях смысла формулировок программы и текста учебника, обеспечивающего усвоение этого смысла: так, формулировка «яркий, выразительный язык рассказа» М. А. Шолохова «Нахаленок» [5, с. 20] «обеспечена» в учебнике лишь вопросом: «Чем достигается яркость и необычность этого описания?» (Имеется в виду описание города, увиденного героем во сне). Однако анализ описания убеждает нас в том, что «яркость и необычность» достигаются, скорее, на уровне предметно-понятийном, нежели речевом, т. е. явное неразличение детали и слова, обозначающего эту деталь.

Некоторые слабости понятийной системы указанной области в школьном образовании приводят к неупорядоченности терминологии, что выражается в следующем:

1. Слово используется как термин, но значение его не определено и однозначно не вытекает из совокупности контекстов. «Выразительность» («выразительный») — самое частое по употреблению слово при оценке художественной речи и художественного текста в целом в программах и учебниках по русскому языку и литературе для 4—10 классов, значение же его нигде не определено.

В 4-м классе в программах: «умение пользоваться синонимами для более точного выражения мыслей, выразительности высказывания» [7, с. 17]; «краткость и выразительность пословиц и поговорок» [5, с. 11]; «выразительность языка сказки А. С. Пушкина...» [5, с. 12]. В учебной хрестоматии [8] указанного слова нет, видимо, можно предположить, что его понятийное содержание раскрывается в эпизодически используемых словах: «яркий», «бойкий и меткий», «красота языка» («поговорки — яркие, бойкие и меткие народные выражения» [8, с. 40]; «в сказках Пушкина зазвучал во всей своей красоте народный язык» [8, с. 45]).

В 5-м классе: «фразеологизмы придают речи выразительность» [9, с. 34]; «русский язык велик... исключительной выразительностью» [9, с. 3]; «писатель выразительно, красочно рисует...» [10, с. 200]; «олицетворение помогает писателю создавать яркие, живые и выразительные картины» [10, с. 237]. Толкования значения слова «выразительность» и однокоренных с ним не дается, «выразительно», «выразительные», помещенные в один перечислительный ряд с общеупотребительными словами непрофессионального значения, получают возможность нетерминологического осмысления: «выразительный», «яркий», «красочный» воспринимаются как речевые синонимы.

В 6-м классе: «яркий, выразительный язык рассказ...» [6, с. 324]; «В чем сила и выразительность этих слов?» [6, с. 208]. Попытку разъяснить смысл оценки, содержащейся в слове «выразительный», находим в следующем высказывании: «Изобразительные средства помогают сделать поэтическую речь художественно-выразительной, доходчивой, способной передавать самые сложные переживания автора, мысли и чувства его героев» [6, с. 16], если допустить, что ряд однородных членов введен для уточнения одного понятия.

В учебнике литературы для 7-го класса в статье «Язык художественного произведения» характеризуются свойства ре-

чи: «Точность и выразительность языка — важнейшие достоинства художественного произведения» [11, с. 389]. Смысл этих понятий (точность, выразительность) раскрывается через наблюдение над примерами (отрывками из стихотворных и прозаических произведений), анализ которых заключается выводом: «ни одно слово нельзя переставить или убрать», «выбор необходимых слов, единственно возможных». Однако ни в ходе анализа, ни в выводе нет попытки разграничить понятия «точность» и «выразительность», возможность возникновения вопросов у школьников о подобном разграничении, видимо, не предполагается. При неразграничении этих понятий основные требования программы к умениям учащихся («самостоятельно выявлять художественные средства языка, определять их значение в произведении») могут быть реализованы лишь приблизительно, поскольку, отмечая функцию художественных средств языка в речи, учащиеся будут использовать слова «точность» и «выразительность» как штампы, без осмыслиения их значения.

Не раскрывается в контексте значение многих других слов, используемых при оценке художественной речи, при характеристике ее свойств: «Художественная точность, эмоциональность и сила изображения во многом зависят от специальных изобразительно-выразительных средств языка» [11, с. 390]. По смыслу ранес сказанного словосочетания «художественная точность» и «сила изображения» как будто синонимичны, но их положение в ряду однородных членов с одиночным союзом «и» препятствует такому пониманию, но и не выявляет различий их понятийного содержания.

Неотчетливость значений слов, оценивающих художественную речь, обнаруживается и в следующих формулировках программы по литературе для 8—10 классов: «школьник знакомится в каждом конкретном случае с высокими образцами поэтической речи, с точностью, емкостью, многозначностью, лаконизмом образного слова» [5, с. 10]; «жизненность, содержательность, меткость, точность и народность языка Толстого» [5, с. 35]. Возникает вопрос о том, как соотносятся объемы понятий, выраженных словами, выступающими в роли однородных членов: «емкость» — «многозначность», «жизненность» — «точность», «содержательность» — «точность, жизненность» — «народность».

Второй недостаток школьной терминологии — низкая воспроизводимость терминов в учебных текстах, что затрудняет

усвоение соответствующих понятий. Так, в учебнике русского языка для 4-го класса дважды встречаем слово «образно» (без толкования значения) при определении функции некоторых языковых единиц в речи: «синонимы помогают точно и **образно** выражать мысли...» [12, с. 135]; «с помощью прилагательных можно нарисовать предмет ярко, **образно**» [12, с. 218]. В 5-м классе один раз встречаем слово «образно» в учебнике литературы в перечислительном ряду со словом «ярко»: «Песни Гомера отражали мысли и чувства героического народа, ярко, **образно** рисовали его жизнь» [10, с. 322]. В 6-м классе один раз встречаем «образный» («**образный** язык, тот цветной язык, которым...») в учебнике литературы (с. 298) и один раз — в учебнике русского языка словосочетание «образные выражения», ранее не употребляемое и нигде не объясненное («Чтобы сделать речь доходчивой и убедительной, в ней используются **образные выражения**...» [13, с. 216]). С понятием образности как отличительной особенностью художественной литературы учащиеся 7-го класса знакомятся во вступительной главе учебника литературы: образность рассматривается как свойство всего текста, в сопоставлении только с речью это понятие не дается. В учебниках последующих лет обучения находим лишь единичные контексты со словом «образный» при оценке речи: «**образные средства устной народной поэзии**...» [14, с. 13]; «**образные народные слова**» [15, с. 175].

Можно предположить, что нет прямой зависимости между невоспроизводимостью термина в тексте учебной книги и невоспроизводимостью понятия:

1. Понятие может быть введено в текст описательно, без терминологического выражения. Так, вопросы и задания учебника литературы для 6-го класса направлены на развитие умения оценить «изобразительную способность слова», видеть роль языковых единиц в создании изобразительности (или образности) речи, например: «С помощью каких слов автор передает напряжение боя и его стремительность?» [6, с. 10].

2. В тексте учебника может быть помещен вопрос, ответ на который предполагает воспроизведение понятия и термина. Так, термин «гипербола», освоенный учащимися в 5-м классе, воспроизводится в 6-м в ответ на вопрос учебника «Каким приемом автор усиливает впечатление о силе и храбрости казаков?» На вопрос учебника литературы для 6-го класса «Что помогает «услышать» гул сражения?» ученики отвечают, ис-

пользуя термин «звукопись», впервые введенный в учебнике русского языка для 4-го класса. Других подобных примеров почерпнуть из учебников не можем.

3. Понятие может быть выражено в тексте с помощью слова синонимичного ранее использованному: «плавность и **напевность** былинной речи» [10, с. 12]; «стихи Некрасова написаны прекрасным, **певучим** языком» [6, с. 127]; «**музыкальный** характер фразы в стихе» [6, с. 27]; «стихи Фета отличаются **мелодичностью**» [15, с. 15]; «язык их **музыкален**, ритмичен» [15, с. 84]; «**музыкальность** вообще характерна для поэзии Блока» [16, с. 97]; «**напевность** стиха» Есенина [6, с. 127].

Третий недостаток школьной терминологии — широкое использование синонимических обозначений. Наличие выше приведенного синонимического ряда в текстах учебников, может быть, и не стоит относить к недостаткам, но употребление без разграничения значений терминологических сочетаний: «художественные средства языка», «изобразительные средства языка», «средства поэтического языка», «выразительные средства языка», «образные средства», «поэтические средства художественной выразительности», «изобразительно-выразительные средства» — вызывает возражение. Если не учесть их синонимического употребления в школьной практике, то следующая формулировка программы может вызвать недоумение своей односторонностью: «Совершенство и разнообразие выразительных средств языка Пушкина» [5, с. 28].

Как синонимы используются в школе термины «язык» и «речь» без какого-либо пояснения: «средства поэтической речи» [11, с. 219] — «средства поэтического языка» [11, с. 391]; «поток народной речи» [15, с. 13], «великолепный знаток родной речи» [15, с. 88] — «великолепное знание народного языка» [15, с. 93] и т. д. Едва ли возможно и необходимо учить школьников разграничивать язык и речь, но могут быть заложены основы для понимания различий между ними при опоре на практические методы обучения. При теперешнем же положении дел отсутствие единства терминологии может вызвать недоумение учителя: программа по русскому языку (раздел развитие связной речи) предусматривает дать понятие о **художественном стиле** речи, программа по литературе (раздел теория литературы) — «начальное понятие о **языке художественной литературы**».

Приведенные немногие (по условиям места) примеры неупорядоченности терминологии свидетельствуют о том, что

установка в области школьного гуманитарного образования в основном на запоминание, а не на понимание. Знакомство с каким-то понятием не становится средством умственного развития, т. е. не предполагается строгой системной соотнесенности одного понятия с другим. Вовсе не предусматривается, например, что ученик может задуматься над фразой «язык их музыкален, ритмичен»: музыкален, т. е. (то же самое) ритмичен, или музыкален и ритмичен, или, может быть, здесь иные отношения, которые как раз и не проясняются синтаксически, — музыкален, потому (в частности), что ритмичен. Видимо, только из-за предположения, что ученик не задумается над смыслом слов, в учебниках русского языка так произвольно обращаются с понятием «значение» и соответствующим термином: значение второстепенных членов определено, а подлежащего — нет, у слова рассматривается лексическое значение, грамматическое значение и общее значение без строго проведенного разграничения, не показана соотносительность понятий «значение» и «форма». Неупорядоченность терминологии оборачивается издержками не только в обучении и умственном развитии, но и в области нравственности, т. к. приучает к безответственному употреблению слов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головин Б. Н. Роль терминологии в научном и учебном общении. — Термин и слово. Межвуз. сб./Горьк. гос. ун-т, Горький, 1979.
2. Герд А. С. Формирование терминологической структуры русского биологического текста. Л., ЛГУ, 1981.
3. Балыбердин А. Г. Формирование литературоведческих понятий в школе (IV—VII классы). Учебное пособие для спецкурса. Куйбышев, 1981.
4. Федоренко Л. П. Совершенствование речи учащихся: принципы оценки выразительности речи. — Ж. Русск. яз. в школе, 1980, № 6.
5. Программы восьмилетней и средней школы. Литература IV—X классов. М., 1981.
6. Родная литература. Учебник-хрестоматия для VI класса. Изд-е 10. М., 1980.
7. Программы восьмилетней и средней школы. Русский язык. М., 1981.
8. Родная литература. Учебная хрестоматия для IV класса. Изд-е 11. М., 1980.
9. Русский язык. Учебник для V—VI классов. Изд-е 7. М., 1980.
10. Родная литература. Учебник-хрестоматия для V класса. Изд. 10-е. М., 1980.

11. Беленький Г. И. Родная литература. Учебник-хрестоматия для VII класса. Изд-е 12, М., 1979.
12. Русский язык. Учебник для IV класса. Изд-е 7, М., 1980.
13. Русский язык. Учебник для VII—VIII классов. Изд-е 9, М., 1980.
14. Русская литература. Учебник для VIII класса, Изд-е 10, М., 1980.
15. Кочурин М. Г., Мотольская Д. К. Русская литература. Учебник для IX класса. Изд-е 13, М., 1980.
16. Русская советская литература. Учебное пособие для X класса. Изд-е 4, М., 1979.

МОТИВИРОВАННОСТЬ И ИДИОМАТИЧНОСТЬ ТЕРМИНОВ

O. A. Макарихина

Горьковский НИИ прикладной математики и кибернетики

При многостороннем изучении терминов, выражающих важнейшие понятия лингвистики, нельзя обойти вопрос об их мотивированности. Э. Ф. Скороходько, автор нескольких работ по проблеме мотивированности термина, определяет мотивированность «как соотношение между внутренней формой и значением лексической единицы. При этом внутренняя форма... обусловлена исключительно семантикой компонентов лексической единицы, взаимоотношениями между ними и грамматической структурой единицы. Значение слова или словосочетания, в противоположность внутренней форме, определяется содержанием необходимых и достаточных признаков понятия, которому соответствует слово или словосочетание, независимо от того, отражены эти признаки в компонентах лексической единицы или нет» [1, с. 38; см. также 2, с. 24; 3, с. 31].

Важно отметить, что мотивированностью обладают только термины, имеющие внутреннюю форму, т. е. производные единицы. Связь явления мотивированности с производностью, с процессом деривации последовательно раскрыта В. П. Даниленко, выделяющей три типа мотивированности в соответствии с тремя основными способами терминообразования: словообразовательно-морфологический, синтаксический и семантический. В. П. Даниленко отмечает, что мотивированными при этом следует считать все аффиксально образованные слова-термины, термины-сложные слова, термины-словосочетания и слова, ставшие терминами в результате семантического пе-

реноса, образования на основе греко-латинских компонентов со стандартной семантикой, а немотивированными — непроизводные образования русского языка, заимствования из других языков, термины-кальки, термины, возникшие из имен собственных путем метонимического переноса [5, с. 63].

В классификации В. П. Даниленко затушевана разница между мотивированностью терминов-дериватов, образованных на базе других терминов, уже принятых в данной терминосистеме, и мотивированностью терминов, возникших на базе общеупотребительных слов с помощью специализации значения или метонимического переноса. Эту разницу отметили Н. П. Романова [6, с. 21—22], М. В. Антонова и Е. И. Чупилина [7, с. 123], различающие научную, или понятийную, мотивированность (именно такому пониманию мотивированности соответствует определение, данное Э. Ф. Скороходько — см. выше) и языковую, или общеупотребительную мотивированность, т. е. понятность термина, его элементов с точки зрения общеупотребительного языка. Думается, такое разделение двух типов мотивированности термина оправданно. Следует различать такие процессы в терминологии, как 1) создание терминов на базе слов общеупотребительного языка (что особенно характерно на первых этапах становления той или иной области знания или профессии) — например, «язык», «речь» в лингвистике, и 2) образование новых терминов на базе уже существующих, принятых в данной терминологии — собственно терминообразование, как процесс, осуществляющийся внутри данной терминосистемы, например: «компоненты акта речи», «структура общенационального языка».

Для процесса первого типа характерны семантические изменения общеупотребительных слов, переходящих в сферу терминологии, для процесса второго типа — сохранение у термина, используемого в качестве терминоэлемента, его терминологического значения [2, с. 58]. Безусловно, и при образовании нового термина на базе другого термина может быть привлечено в качестве нового терминоэлемента и слово (морфема) общеупотребительного языка, например: «восприятие звуков речи», «язык-источник», «языковая ситуация». Поэтому процесс терминообразования второго типа может быть осложнен явлениями, свойственными первому типу: изменениями в семантике терминоэлементов, взятых из общеупотребительного языка. Языковая, или общеупотребительная, мотиви-

рованность свойственна только термину, так как терминологическая система вторична по отношению к общеупотребительному языку.

До сих пор дискутируется вопрос об основаниях предпочтения мотивированного или немотивированного термина. Важность функций внутренней формы термина [3, с. 33—35], следовательно, преимущества мотивированного термина, заставляют многих терминоведов предпочитать мотивированные термины [5, с. 63—64; 2, 76]. Но необходимо ясно понимать, что «полностью отразить системные связи понятия неспособно не только дефинитивное название, но и любая дефиниция... Уже усвоенное, закрепленное в терминосистеме научное понятие не нуждается в постоянном раскрытии его содержания» [8, с. 100, 104]. Кроме того, «мышление и процесс трудового освоения мира... непрерывно рождает изменение границ сложившихся понятий» [9, с. 265], и, следовательно, даже максимально точное название понятия со временем перестает вполне ему соответствовать.

Итак, мотивированность — очень сложная характеристика термина. Термин может быть мотивирован дважды: во-первых, общеупотребительным языком, во-вторых, терминологической системой, в которую он входит. На каждой из этих ступеней мотивированность может быть неполной или даже нулевой. Поэтому исследователи, анализирующие характер связи формы и содержания в термине, обращаются к понятию «идиоматичность», то есть невыводимость значения целого из суммы значений частей. В настоящее время понятие идиоматичности рассматривается более широко. Идиоматичными считаются не только те языковые единицы, значение которых невыводимо из суммы значений компонентов (немотивировано ими), но и те, значение которых выводимо из суммы значений, но выбор того или иного компонента среди синонимичных ему немотивирован. М. А. Михайлов, различая два эти вида идиоматичности, называет их соответственно семантической и формальной идиоматичностью [10, с. 92].

Две характеристики — идиоматичность (семантическая) и мотивированность — по существу, относятся к одному свойству языковой единицы, обозначая подходы к нему с разных (противоположных) сторон. Чем больше признаков понятия отражено в форме термина, тем выше его мотивированность, тем менее он идиоматичен, и наоборот.

Немало идиоматичных, не полностью мотивированных терминов встретилось и в наших микросистемах — совокупностях терминов, производных от терминов «язык» и «речь», построенных с использованием этих базовых терминов.

Используя терминологию М. А. Михайлова, проанализируем вначале типы семантической идиоматичности терминов, обнаруженные в микросистемах «язык» и «речь». Попутно отметим, что идиоматичность составных терминов, то есть наличие дополнительных семантических компонентов в определении термина, не отраженных в его структуре [11, с. 96—97] — предпосылка потенциальной многозначности термина. Возможность включения в дефиницию термина разных дополнительных семантических компонентов порождает возможность употребления этого термина для обозначения нескольких различных понятий. Эта возможность нередко реализуется.

При анализе причин идиоматичности терминов-дериватов в наших микросистемах выявилась связь степени идиоматичности термина с характеристикой терминоэлемента, присоединяемого к исходному термину в процессе его деривации. Такими элементами могут быть: 1) более короткие термины, уже «работающие» в данной области; 2) общенаучные термины; 3) общеупотребительные слова.

Если новый термин строится как сочетание уже принятых в данной области терминов, его значение обычно складывается как сумма значений этих исходных терминов: «лексика языка», «речевой стиль».

При сочетании общенаучных терминов со специальными в структуре нового многокомпонентного термина нередко появляются терминологические словосочетания, значение которых неясно без контекста, более того, они часто оказываются многозначными. К их числу относятся многие термины, называющие различные типы процессов [подробно см. 13, с. 36—37]. Так, термин «языковое моделирование» встретился в микросистеме в двух значениях: 1) моделирование языка, его единиц; 2) моделирование объективного мира в языковых структурах.

Во всех терминологиях, в том числе и в качестве терминоэлементов, активны общенаучные термины, обозначающие понятия теории систем. В микросистемах «язык» и «речь» многие дериваты характеризуют различные свойства и стороны

системной организации объектов, обозначенных базовыми терминами, — языка и речи. Но системно организованы как язык и речь в целом, так и их компоненты, и их функциональные и национальные варианты. К чему в каждом конкретном случае относятся общенаучные термины «система», «структура», «отношения», «связи», «состав», «организация», «единица» — выявляется в контексте, может быть отражено в дефиниции, но не эксплицировано в форме соответствующих многокомпонентных терминов. Многие из них оказались многозначными.

Так, термин «речевая система» встретился в двух значениях: 1) «стиль речи» (это, конечно, окказиональное употребление данного словосочетания в таком значении); 2) «системно организованная речевая последовательность», например, предложение. Термин «языковая система» и синонимичный ему термин «система языка» были употреблены в значении «уровень, подсистема языка» и в значении «системная организация языка в целом». Примеры можно было бы продолжить.

Семантика общенаучного термина в составе деривата не меняется, идиоматичность таких дериватов связана с неполнотой структурной мотивированности: неполнотой информации, несомой грамматической моделью деривата [3, с. 31].

Общеупотребительные слова не всегда меняют, специализируют свое значение, будучи использованными в качестве терминоэлемента, например: «язык барабанов», «речь газет». С. Д. Шелов относит такие термины к неспецифической лексике, им свойственна идентификация языковых объектов через характеристики носителей языка [12, глава 1]. Но общеупотребительные слова могут использоваться и при создании специальных лингвистических терминов. Так, термин «язык-посредник» встретился в двух значениях: 1) вспомогательный язык, используемый в межнациональном общении; 2) набор правил, в соответствии с которыми характеристики одного языка преобразуются в характеристики другого (при машинном переводе). Если в этом термине оба значения можно хотя бы предположить, исходя из значения слова «посредник», то понятие, соответствующее термину «языковая ситуация», без ознакомления с контекстом совершенно неясно. В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой термин «ситуация» определен только в связи с речью (обстоятельства, в которых совершается акт речи). В нашей же микросистеме термин «языковая ситуация» встретился в значении «взаимоотношения социальных или функциональных вариантов языка,

(а также различных языков — при многоязычии) при обслуживании нужд нации, страны». Новое значение слова «ситуация» мало обусловлено его первичным значением.

Таким образом, чем более периферийными по отношению к отраслевой терминосистеме являются терминоэлементы, используемые при построении термина-деривата, тем вероятнее идиоматичность деривата.

Для терминов характерна и формальная идиоматичность, связанная с широкой вариантностью терминов, особенно многокомпонентных. Конечно, контекст может иногда определять выбор того или иного варианта (иноязычного или отечественного, более длинного или более короткого), но очень часто выбор не мотивирован. В микросистемах «язык» и «речь» встретилось большое количество грамматических вариантов терминов, особенно — синтаксических, например: «языковая категория — категория языка», «функции речи — речевые функции», «стили языка — языковые стили». Количество таких пар — 120 на 6000 терминов. В некоторых подобных парах оба термина многозначны и структура их значений совпадает. Так, двузначны термины «языковая система» и «система языка», «языковая структура» и «структура языка». По три значения имеют оба термина «языковая форма» и «форма языка».

Многозначность термина, как говорилось выше, может быть следствием семантической идиоматичности термина. В микросистемах «язык» и «речь» наблюдались и случаи сочетания семантической и формальной идиоматичности при немотивированном распределении разных значений по разным, внешне синонимичным вариантам. Нередко при многозначности одного из вариантов другой имеет только одно значение. Видимо, термин «вариантность» надо употреблять с большей осторожностью, только в результате тщательного семантического анализа. Так, не являются синонимами термины «образование языка» (формирование, возникновение языка) и «языковое образование» (используется в двух значениях: а) отдельный язык или диалект; б) элемент языка). Термин «единица языка» обозначает только компоненты, элементы языка (слова, морфемы и т. д.), термин же «языковая единица» имеет и второе значение: отдельный язык.

Таким образом, терминам присуща как формальная, так и семантическая идиоматичность, а также их сочетание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кияк Т. Р., Косташ Ю. П., Скороходько Э. Ф. Оценка степени мотивированности немецкой и русской терминологической и общеупотребительной лексики. — В сб.: Структурная и математическая лингвистика, вып. 8, Киев, 1980.
2. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961.
3. Блинова О. И. Термин и его мотивированность. — В сб.: Терминология и культура речи. М., 1981.
4. Канделаки Т. Л. Семантика и мотивированность терминов. М., 1977.
5. Даниленко В. П. Русская терминология. М., 1977.
6. Романова Н. П. О мотивированности исконных и заимствованных терминов. — В сб.: Вопросы терминологии и лингвистической статистики. Воронеж, 1976.
7. Антонова М. В., Чупилина Е. И. Системные связи в узкоспециальной терминологии. — В сб.: Системное описание лексики германских языков. Л., 1979.
8. Гречко В. А. Каким должен быть термин? — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и словаобразования. Новосибирск, 1976.
9. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М., 1979.
10. Михайлов М. А. Идиоматичность и «воспроизведимость» слова. — В сб.: Термин и слово. / Горьковский ун-т, Горький, 1980.
11. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.
12. Шелов С. Д. Опыт семантического анализа лингвистической терминологии при построении информационно-поискового тезауруса. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. (Рукопись). М., 1976.
13. Макарихина О. А. К вопросу об изучении терминообразовательных отношений. — В сб.: Термин и слово. / Горьковский ун-т, Горький, 1981.

ТЕРМИНЫ КАК КОНСТРУКТИВНЫЕ И СМЫСЛОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ ВЫСКАЗЫВАНИЯ (В СРАВНЕНИИ С НЕТЕРМИНАМИ)

Л. А. Серебрякова

Горьковский НИИ прикладной математики и кибернетики

Синтагматические возможности терминоединиц в линейном сцеплении — одна из наименее освещенных сторон языковой «жизни» терминологической лексики. А между тем термины — это лексическая основа научной речи, и их функционально-речевые свойства во многом определяют своеобразие ее синтаксико-смыслового строя.

В предлагаемой работе излагаются результаты наблюдений над функционированием терминологических и нетерминологических компонентов высказывания в его синтаксической и коммуникативно-смысловой структуре. Под компонентом высказывания здесь понимается так называемая «синтаксическая группа», в основе формирования которой лежит определенная синтаксическая позиция (подлежащего, дополнения, сказуемого и пр.). Синтаксическая группа, как правило, представляет собой сочетание стержневого слова с зависимыми от него словами: «ряд точек зрения на формализацию», «литература по методологии научного познания» и т. п.

Анализ речевого функционирования синтаксических групп (СГ), предварительно оцененных на терминологичность [1, с. 20], дает широкую картину синтаксического употребления терминов и нетерминов в сопоставлении.

В качестве материала для наблюдений с помощью количественных оценок были использованы статьи по информатике в сборнике «Научно-техническая информация» [2, 3].

В структуре плана синтаксической синтагматики терминологических компонентов высказывания предусмотрены наблюдения: синтаксических функций терминов, сочетаемостных свойств терминов как членов предложения, их дистрибуции; локализации терминологических компонентов высказывания; особенностей функционирования терминов в обособлениях, в ряду однородных членов, в функции вводных слов и конструкций.

Термин в речи — не только конструктивный, но и смысловой компонент высказывания, оказывающий заметное влияние на его коммуникативную структуру.

Построение любого высказывания осуществляется в соответствии с определенным коммуникативным заданием, которое проявляется в коммуникативной целенаправленности выражаемого им сообщения. Коммуникативная целенаправленность, в свою очередь, определяет функционально-смысловое неравноправие членов высказывания, раскрываемое в соответствии компонентов так называемого актуального членения (АЧ) [4, 5]. А позиция члена высказывания в АЧ — важный фактор его смысловой ценности, информативности, заданной автором. И анализ функционирования терминов в плане синтаксической синтагматики, помимо указанных выше задач, предполагает:

— установление синтаксических моделей состава темы и

ремы в простом высказывании, как терминологических, так и нетерминологических;

— получение сравнительных данных об активности терминологических и нетерминологических компонентов в составе темы и ремы;

— выявление наиболее характерных терминологических (или нетерминологических) синтаксических групп (ТСГ и НТСГ) для темы и, с другой стороны, для ремы высказывания;

— возможное установление связи между синтаксической структурой, терминологичностью и информативностью компонента высказывания.

По итогам наблюдений конструктивных качеств термина в речи очевидно, что функциональной природе термина наиболее соответствуют синтаксические позиции подлежащего (30% от всех ТСГ) и дополнения (38% от всех ТСГ). Для нетерминов характерны синтаксические позиции сказуемого (53% от всех НТСГ) и обстоятельства (18%).

В целом в позиции *подлежащего*, особенно в структурах простых высказываний, преобладают терминологические единицы. Основная позиция подлежащего по отношению к сказуемому — препозитивная, но обращает на себя внимание тот факт, что доля постпозитивного употребления ТСГ подлежащего (20%) значительно выше доли постпозитивного употребления НТСГ подлежащего (9%). Это объясняется как лексико-семантическими свойствами сказуемого, так и особенностями коммуникативной организации научного высказывания, нередко нацеленной на смысловое акцентирование подлежащего-термина в постпозиции: — «Наиболее широкое распространение получили **символизация и математизация**» [2, с. 2]. — «Все шире применяется и **логическое исчисление**» [2, с. 1]. 90% всех постпозитивных ТСГ подлежащего следуют непосредственно за сказуемым. В редких случаях это следование разрывается обстоятельственными, вводными словами или дополнениями (8%). Более 2/3 всех ТСГ постпозитивного подлежащего являются конструктивным завершением высказывания (77%).

Синтаксическая позиция *сказуемого* на 90% заполнена нетерминологическими единицами, причем основной массив НТСГ сказуемого составляет сказуемое глагольное. Напротив, терминологичность позиции сказуемого — привилегия со-

ставного именного сказуемого с субстантивной именной частью: «второй уровень формализации — математизация» [2, с. 3].

Наиболее широко терминологические единицы используются в синтаксической позиции *дополнения к сказуемому* (прямого или косвенного). Активность ТСГ дополнения более чем в три раза выше активности НТСГ. Для СГ дополнения в научной речи типична постпозитивная локализация (часто — конец высказывания). Препозиция СГ дополнения (в начале высказывания) — показатель особого коммуникативного строя высказывания, когда препозитивное дополнение содержит указание на исходную часть сообщения: — «**К информационному языку** предъявляются следующие требования...» [3, с. 2]. ТСГ препозитивного дополнения функционируют преимущественно в высказываниях с инверсной предикативной группой, когда сказуемое предшествует подлежащему (правосторонний контакт со сказуемым в 80 случаях из 100). Постпозитивная ТСГ дополнения часто является концовкой высказывания (62%).

Синтаксическая позиция *обстоятельства* нехарактерна для терминологических компонентов высказывания. В обследованном массиве терминологична лишь третья часть всех обстоятельственных слов, причем ТСГ обстоятельств явно предпочтуют постпозитивную локализацию, а НТСГ обстоятельств — препозитивную, что, по-видимому, связано с коммуникативной целенаправленностью высказывания, концентрирующего семантически емкие компоненты в своей концовке: «**Специальные языки необходимы при реферировании и аннотировании текстов**» [2, с. 4].

Среди *обосделений* в научной речи наиболее употребительны обособленные определения, вводные слова и конструкции. Реже встречаются обособленные обстоятельства и обособления типа присоединения (со словами помимо, кроме, вместо, сверх, например и пр.).

Среди обособленных определений и присоединительных конструкций основной массив формируют ТСГ (86%), среди же обособленных обстоятельств и вводных конструкций — нетерминологические (75%). Подавляющее большинство терминологических обособлений располагается в постпозиции (чаще — в конце высказывания). Что касается вводных синтаксических компонентов в научном высказывании, то терминологичны обычно не слова, а вставные конструкции, которые

содержат добавочные замечания, пояснения к содержанию высказывания, существенные для понимания сообщения в целом:

«Широко используется математический аппарат для выделения и взвешивания терминов... (особую важность **формально-количественные методы** приобретают при автоматическом индексировании)» [2, с. 5].

ТСГ значительно чаще НТСГ включают отношения *однородности*. Особенно продуктивны ряды однородных синтаксических позиций в ТСГ дополнения и подлежащего, причем отмечаются факты употребления в одном ряду однородных членов терминологических и нетерминологических единиц, но они немногочисленны.

Обращение к коммуникативно-смысловой стороне высказывания в интересующем нас аспекте предполагает прежде всего выявление конструктивных моделей компонентов АЧ простого высказывания.

Основные синтаксические способы выражения ремы высказывания в наблюдаемом массиве таковы: — СГ сказуемого иерархического, СГ сказуемого+СГ прямого дополнения, СГ сказуемого+СГ косвенного дополнения, СГ сказуемого+СГ постпозитивного подлежащего, СГ сказуемого+СГ постпозитивного обстоятельства, СГ подлежащего постпозитивного, СГ дополнения постпозитивного.

Основные способы выражения темы менее многообразны: СГ подлежащего препозитивного, СГ сказуемого членного, СГ дополнения препозитивного, СГ обстоятельства препозитивного.

По данным обследования очевидно, что в качестве ремы, т. е. наиболее «весомого» компонента высказывания, функционируют преимущественно ТСГ. Особенно активна в позиции ремы модель «СГ сказуемого+СГ постпозитивного дополнения» (62% от всех СГ в роли ремы, 48% из них составляют терминологические единицы). В составе ремы со сказуемым наибольшая смысловая нагрузка падает не на сказуемое, которое является составной частью ремы, а на терминологическую СГ дополнения, которую следует считать собственно ремой: «Ученый предлагает **математическую экспликацию понятия «аспект»** [2, с. 3].

АЧ высказывания на тему и рему принято считать АЧ первого порядка, при котором выявляются компоненты с макси-

мальной информативностью. Ими в подавляющем большинстве случаев оказываются ТСГ постпозитивного дополнения, реже—постпозитивного подлежащего или обстоятельства в функции ремы.

Активность терминов в позиции темы (тем) значительно слабее, чем в позиции ремы. Более того, в некоторых конструктивных воплощениях темы почти вдвое больше нетерминов (в темах, представленных СГ дополнения препозитивного, СГ обстоятельства препозитивного). Наиболее распространенная модель темы—СГ подлежащего. Темы, выраженные СГ подлежащего, составляют 72% всех тематических частей высказывания и среди них только 38%—терминологического характера.

Тема научного высказывания не всегда однокомпонентна, в обследованном массиве 26% всех высказываний содержат двухкомпонентную тему. При актуализации второго порядка осуществляется дифференциация компонентов неодноэлементной темы по степени их смысловой нагрузки, информативности. При этом принимается во внимание ряд факторов, из которых основные: 1) лексический состав компонентов («данность» или «новизна» частей двухкомпонентной темы; их терминологичность—нетерминологичность); 2) синтаксическая позиция компонентов.

По данным обследования ведущим оценочным критерием степени информативности при актуализации второго порядка может быть «данность» или «новизна» темы: («новизна»—качество «роста» информативности). Терминологичность темы как оценка степени ее смысловой важности—вторична. Об этом свидетельствуют многие речевые факты, когда обе темы—термины, но одна называет «данное», известное из предшествующего контекста, другая—«новое». В информативном плане «новое» всегда важнее: **«В информатике (тема — «новое» — Л. С.) обобщающая и систематизирующая функции формализации (тема — «данное»—Л. С.) реализуются прежде всего в выработке...»** [2, с. 2]. Вторичность «терминологичности» как критерия информативности следует и из смыслового анализа двухкомпонентной темы, когда «новое», выраженное нетермином, «весомее», чем терминологическое «данное»: **«Особую актуальность («новое» — нетермин—Л. С.) математические и формальные методы в теории классификации («данное»—термин—Л. С.) приобретают в связи...»** [2, с. 3].

Когда же обе темы высказывания представляют «данное», но одна—термин, а другая—нет, фактор терминологичности, по-видимому, становится главным при оценке информативности: «В этом плане («данное» — нетермин—Л. С.) **средства формализации** («данное»—термин) могут оказать незаменимую услугу» [3, с. 4].

В случае отсутствия лексических факторов информативности (т. е. когда критерии «новизны» и терминологичности «не работают») допустимо, на наш взгляд, при оценке смысловой важности учитывать синтаксическую позицию (зависимую или независимую) тематического компонента высказывания. В частности, обстоятельственные слова, вероятно, информативно более ослабленный компонент темы (при отсутствии указанных лексических факторов), чем СГ подлежащего: «В любом естественном языке (нетермин—«новое»—Л. С.) 1000 наиболее употребимых слов (нетермин—«новое»—Л. С.) составляет около 80% всех текстов»... [2, с. 4].

Порядок следования тем в двухэлементной теме, по нашим наблюдениям, при оценке их информативности обычно не имеет решающего значения (тема 1, т. е. первая позиционно, более информативна, чем тема 2, только в 58 случаях из 100, в 42-х — явление обратное).

Следовательно, максимально информативными элементами научного высказывания чаще оказываются термины в составе ремы высказывания, функционирующие в качестве постпозитивного подлежащего, постпозитивного дополнения к сказуемому и постпозитивного обстоятельства. В составе темы высказывания информативность терминов колеблется в зависимости от указанных выше факторов, но, как правило, смысловая нагрузка терминов в составе темы высказывания минимальна.

Итак, в результате сопоставительного изучения функциональных свойств терминологических и нетерминологических компонентов высказывания обнажаются основные тенденции функционирования терминов (как компонентов ТСГ) в синтаксическом плане, что, в свою очередь, располагает к исследованиям синтаксической структуры конкретных терминов и ее взаимосвязи с их логико-понятийной структурой.

Лексико-синтаксическая организация компонентов актуального членения свидетельствует о том, что коммуникативно-синтаксическая структура высказывания, как правило, строит-

ся с учетом смысловых качеств терминов как единиц семантически емких, информационно насыщенных: в акцентируемых (по АЧ) сегментах высказывания функционируют преимущественно ТСГ. При определении информативных качеств компонентов научного высказывания фактор терминологичности этих компонентов является одним из основных оценочных критериев их смысловой важности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. При оценке терминологичности СГ мы опирались на известное определение термина Б. Н. Головиным в работе: О некоторых задачах и тематике исследования научной и научно-технической терминологии. Уч. зап. ГГУ, серия лингвистическая, вып. 114, Горький, 1970, с. 20.
2. Павлова С. П. Место формализации в системе теоретических методов информатики. — Сб. «Научно-техническая информация», серия 2, № 7, 1981, с. 1—5.
3. Королев Э. И. Системные требования к лингвистическому обеспечению автоматизированных информационных систем. — Сб. «Научно-техническая информация», серия 2, № 10, 1981, с. 1—5.
4. Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
5. Распопов И. И. Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973.

ТЕРМИНОЭЛЕМЕНТЫ ОБЩЕНАУЧНОГО ЗНАЧЕНИЯ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПОИСКЕ

Н. Ю. Русова

Горьковский университет

1. Понятие терминоэлемента не относится к числу полностью устоявшихся в современном терминоведении, хотя все чаще употребляется терминологами — иногда говорят именно о терминоэлементах [2, 3], иногда — о компонентах термина [4, 5, 6], об элементах термина [1, с. 271] и т. д. Целесообразно поэтому начать с некоторых структурных и семантических характеристик названной части термина.

Со стороны структурной терминоэлемент может и должен рассматриваться на нескольких уровнях — в зависимости от структурной сложности соответствующего целого: так, тер-
54

миноэлементом простого (однословного) термина может быть производящая основа, словообразующая морфема (аффикс), в предельном случае сложных слов — целое слово (*парообразование*), символ в составе символов-слов (*γ-лучи*) [2, с. 37]; терминоэлементом составного (многословного) термина целесообразно считать либо отдельное слово (*диалектический материализм, теория познания*), либо словосочетание (*теория познания диалектического материализма*). Знаменательно, что о терминоэлементах-словосочетаниях в [2] не упоминается, но, на наш взгляд, существование единиц этого типа вполне реально. Методика выделения терминоэлементов разной степени сложности, видимо, определяется особенностями терминообразования.

Со стороны же семантики классификация терминоэлементов, вероятно, может производиться по разным основаниям; укажем на следующие возможные и достаточно легко опознаваемые типы: терминоэлементы специального значения, семантически соответствующие определенной науке (*аффикс, интегральный, электрон*); терминоэлементы общенаучного значения, входящие в термины разных наук и не обладающие узкоспециальной терминологической окраской (*варьирование, внутренний, измерение, метод, системный, элемент*) (см. об общетехнических и общенаучных терминах в [7]); служебные терминоэлементы (*аспект (...в аспекте...), база (...на базе...), отношение (инверсия сказуемого по отношению, к подлежащему), тип (звукосочетания типа гсг)*). Может быть, имело бы смысл выделять среди терминоэлементов так называемые «административные наименования» (*институт, общество, симпозиум* и т. д.). Существенно, что среди терминоэлементов разных семантических типов достаточно распространено явление терминологической омонимии (которая, по-видимому, в чем-то отличается от омонимии в общелингвистическом смысле); так, *вид* — это и терминоэлемент общенаучного значения (ТОЗ), и биологический, а также лингвистический термины; *группа* — ТОЗ и математический термин; *связь* — ТОЗ, служебный терминоэлемент (...в связи с...) и термин радиотелеграфного дела.

2. Материалом для настоящего исследования послужил массив из 3000 лингвистических терминов, непосредственно выделенных из текста; из этого массива были выбраны терминоэлементы общенаучного значения (ТОЗы) — существительные и прилагательные, ТОЗ-словосочетания на данном эта-

не в расчет не принимались. Были получены следующие количественные данные — на массив в 3000 терминов пришлось: 464 ТОЗ-существительных, 114 ТОЗ-прилагательных и причастий, 33 служебных терминоэлемента, 47 терминоэлементов — «административных наименований».

3. Остановимся подробнее на ТОЗ-существительных. Нам показалось целесообразным разбить их на две большие группы:

а) ТОЗ, которые могут функционировать в качестве самостоятельных терминов, например: *абсолютизация, адекватность, анализ, закон, категория, метод, понятие, синтез, теория, функция, эволюция*.

ТОЗ этого типа было выделено 94, или 20,3% от общего числа ТОЗ-существительных.

б) ТОЗ, которые в качестве самостоятельных терминов в лингвистическом тексте не функционируют, например: *влияние, вопрос, граница, зависимость, идентификация, количество, материал, отношение, развитие, соответствие, универсальность, формирование, явление*.

ТОЗ этого типа выделено 370, или 79,7% от общего числа ТОЗ-существительных.

Дифференциация указанных классов ТОЗов может помочь при разработке словаря лингвистической терминологии, предназначенного для информационного поиска; так, ТОЗ группы «а» необходимо, видимо, вводить в словарь наряду с терминоэлементами специального значения и включать в систему paradigmатических связей; ТОЗ группы «б» могут быть сосредоточены в отдельном списке — приложении к словарю.

Насколько среди ТОЗ развита терминологическая омонимия, показывает следующая цифра: ТОЗ-омонимы составили 22,2% от общего числа ТОЗ-существительных (62 ТОЗ). Приводим наиболее характерные примеры (в скобках даны названия соответствующих наук): *вид* (биология, лингвистика), *множество* (математика), *восстановление* (химия), *время* (лингвистика, философия), *дополнение* (лингвистика), *интерференция* (физика), *колебание* (физика), *представление* (психология), *факт* (информатика). Пометами указанного типа следует сопровождать ТОЗ-омонимы и в словаре.

Представляется очень существенным, что среди ТОЗ-существительных 36,4% (169 ТОЗ) имеют значение процесса: *взаимодействие, внедрение, возникновение, выбор, дублирование, изменение, исследование, обработка, описание, преобразование*.

ование, распределение, сравнение, унификация, формирование. В научном тексте именно среди слов, обозначающих процессы, наибольшее количество семантически расплывчатых, стертых, многозначных — наилучших кандидатур в ТОЗы.

Наконец, заметим, что среди ТОЗ очень развита синонимия, а также та близость значений, которая позволяет делать большие группы ТОЗ условно эквивалентными при информационном поиске. По объему группы синонимичных ТОЗ, как правило, больше, чем аналогичные группы других термино-элементов.

Немаловажное значение для разработки методики выделения ТОЗ имеет то обстоятельство, что терминоэлементы общеначального значения в большинстве случаев находятся в начале составного термина. Это имеет вполне логичное объяснение: если основная мыслительная операция при образовании составного термина — конкретизация исходного широкого понятия при помощи всевозможных дополнительных признаков [1, с. 267], то естественно, что исходное широкое по значению понятие выражено грамматически независимым словом и помещено в начале словосочетания; ТОЗы же соответствуют понятиям именно этого типа.

4. Несколько слов о возможностях использования ТОЗ при информационном поиске. Об организации ТОЗ в поисковом словаре говорилось выше. Особую роль ТОЗ играют при формулировке и индексировании поискового запроса. Видимо, для информационно-поисковой системы, использующей естественную терминологию, в целях повышения полноты и точности поиска следует широко применять избыточное индексирование запроса — и здесь не обойтись без многообразного варьирования всевозможных ТОЗ. Кроме того, в интересах облегчения поиска информативных терминов сложной структуры можно в качестве приложения к словарю дать список поисковых терминов с «отсеченными» (скажем, взятыми в скобки) ТОЗ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М., 1979.
2. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977.
3. Квитко И. С. Термин в научном документе. Львов, 1976.
4. Монсеев А. И. О языковой природе термина. — В кв.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.

5. Овчаренко В. М. Концептуальная, семантическая и семиотическая целостность термина. — В кв.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии: М., 1970.

6. Овчаренко В. М. Термин, аналитическое наименование и номинативное определение. — В кн.: Современные проблемы терминологии в науке и технике. М., 1969.

7. Пиотровский Р. Г., Ястrebова С. В. — В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.

О ТЕРМИНОСИСТЕМЕ В ЛИНГВОФОЛЬКЛОРISTИКЕ

З. М. Петенева

Ивано-Франковский педагогический институт

Лингвофольклористика как особая дисциплина предполагает и свою особую терминосистему, описывающую сущность и специфику фольклора [1]. Так, определяющими чертами языка эпоса являются, с одной стороны, архаичность, с другой — формульность.

Однако термин «архаизм» в лингвофольклористике имеет другое значение, отличающееся от общепринятого значения этого термина. Так, термин «архаизмы» в словаре трактуется как устаревшие слова, вышедшие из активного употребления, но сохранившиеся в пассивном словаре и в большинстве своем понятные носителям языка. Архаизмы в фольклоре подчас не понятны носителям языка и не входят даже в пассивный словарный запас. Архаизмы в фольклоре отличаются и по их функции. По образному выражению И. А. Оссовецкого, они представляют собой «актуальную живую норму» [2, с. 182], воссоздают «особый» колорит, особую организацию языка, воспринимаемую как художественный прием, типичный для языка песенного фольклора, но совсем не типичный для языка разговорного, т. е. не употребляемый без специального художественного задания [2, с. 177, 178]. Архаизмы в традиционном фольклоре выполняют несколько функций: коммуникативную, эстетическую, ритмообразующую и др., способствуя реализации важнейшего принципа искусства — единства формы и содержания. По классическому определению К. Маркса, «форма и функции обусловливают друг друга» [3, с. 620]. По

поводу архаизмов в фольклоре Р. О. Якобсон пишет: «При-
стального изучения требуют и русские архаизмы, пронизыва-
ющие не только словарь, но и грамматический состав былин. Причина более архаической окраски языка былин по сравне-
нию с фольклорной лирикой лежит не в большей их древно-
сти; некоторые лирические песни уходят корнями в далекое прошлое; с другой стороны, архаизмы проникают даже в бы-
лины, повествующие о людях и событиях недавнего времени. «Старины», народное название произведений былевого эпоса, воистину символично. Суть не в том, что былины древнее, а в заведомой тяге к древности, к архаическому стилю» [4, с. 88].

Специфически фольклорные слова, активно употребляю-
щиеся только в фольклоре, Р. Р. Гельгардт назвал фолькло-
ризмами [5]. Видимо, к таким «фольклоризмам» следует от-
нести наиболее часто употребляемые в жанрах народной поэ-
зии лексические единицы с фонетическими, акцентуационны-
ми, словообразовательными, грамматическими, семантиче-
скими особенностями. Это слова с древними смягчениями со-
гласных типа *помози*, *на нозе*, с неполногласиями типа *злато*,
врата, *серебро*, с давно вышедшиими из живого употребления
полногласиями, такими как *оболока*, *полон*, *сторожа*, *хоро-
браж* и др. Это лексика с акцентуационными особенностями —
бояре, *богатыри*, *вострью*. Слова, содержащие древние или
сугубо фольклорные морфемы: передуцированные в безудар-
ном положении аффиксы — *ти*, *-ся*, слова с приставкой *воз-*
(*вз-*), с флексией *-аго*; типа *битися*, *воспроговорил*, *воздлече*,
взговорити, *возсылати*, *гуляти*, *таковаго*. Многие слова пред-
ставлены традиционно фольклорными лексико-семантически-
ми вариантами: заповедь — 'запрет', 'зарок', 'решение', зелье —
'порох', мех — 'мешок', красный — 'красивый', орать — 'па-
хать', семья — 'жена', середа — 'пол в избе', спичка — 'ве-
шалка', талан — 'участь' и др.

В толковых словарях специфически фольклорная лексика
обычно имеет помету «народно-поэтическое». Однако в сло-
варях находит отражение лишь часть такой лексики. Рассмат-
риваемые слова иногда приводятся и в диалектных словарях
в качестве диалектных единиц, но имеют при этом фольклор-
ную иллюстрацию [7].

Важнейшей особенностью фольклорного текста признается
формульность, формульность — это построение фольклорного
текста из готовых, традиционно бытующих в фольклоре эпи-
ческих единиц различной длины. На формульность как осно-

ву фольклорной традиции имеются указания во многих работах по языковой поэтике фольклора, начиная с Гильфердинга [8]. В общем фольклорная фразеология имеет «полуторавековую традицию исследовательского обращения к ней» [9, с. 3]. На формульность фольклорного текста указывали В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов. Вопросы формульности устной народной поэзии были во внимании Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, Фр. Миклошича, А. Н. Веселовского.

М. А. Кумахов по поводу формульности языка устной народной поэзии пишет: «Характерными чертами устно-поэтической традиции являются не только ее древность и устойчивость, но и совокупность присущих ей стереотипных и типовых формул, относящихся к наиболее универсальным свойствам поэтического языка устной поэзии» [10, с. 59]. Формульность свойственна не только русскому эпосу, но и эпосам других народов.

Термин «формула» в фольклористике многозначен: лингвисты формулу идентифицируют с фразеологизмом, понимая под ней двусловные сочетания типа «добрый молодец», «красная девица», литературоведы — с описанием ситуаций. Под формулой понимают структурные части текста фольклорного произведения: наименование реалий, действий, описание ситуаций, образа — от одного слова до контекста [11, с. 21]. На отсутствие однозначной и устоявшейся терминологии указывается во многих работах. Так, П. Д. Ухов констатирует: «Наряду с термином «тиpические места» употребляются и следующие: «общие места», «эpические **формулы**», «традиционные места» «традиционные **формулы**» [выделено мной — З. П.], «подвижные места» и т. п.» [16, с. 15]. Многозначность в понимании термина «формула» не случайна: в фольклоре мы сталкиваемся с целой формульной микросистемой. Фольклорный текст «обладает сквозной формульностью, формульная тема строится из более мелких стилистических формул, которые в совокупности образуют очень устойчивую формульную микросистему» [11, с. 22]. Единицы этой формульной микросистемы находятся в инклюзивных отношениях. Минимальной формульной единицей является фольклорный фразеологизм типа *поле чистое, русские могучие богатыри* и т. п. Нужно сразу сказать, что фольклорная фразеология по дифференциальнym признакам и классификационным свойствам резко отличается от общеязыковой фразеологии. Однако термин «фра-

зеология» по отношению к фольклорному материалу довольно распространен [20, 21, 22]. Фольклорная фразеология бытует в совокупности вариантов, допускает включения, дистантное расположение компонентов; по лексико-сintаксической организации похожа на свободное сочетание слов [11]. Для фольклорного фразеологизма не свойственна целостность значения; он отличается семантической нагруженностью, включая целый пучок смыслов: номинативный, исторический, социокультурный, оценочный, поэтический, метафорический и др. [11, с. 25]. В фольклоре нет фразеологизмов типа идиом. Важнейший признак фразеологизма — устойчивость — в фольклоре проявляется совсем иначе. Г. И. Мальцев замечает, что несвобода сочетаемости слов языкового фразеологизма «определяется прежде всего внутриязыковыми ограничениями», тогда как «устойчивость и несвобода фольклорных стереотипов» определяется не внутриязыковыми ограничениями, а причинами экстраполингвистического характера [11, с. 20]. Компонент фольклорного фразеологизма нередко в этом же контексте имеет свободное употребление. Фольклорный фразеологизм представляет собой минимальную эпическую формулу.

Основной пласт минимальных эпических формул (ЭФ) составляют атрибутивные пары типа «добрый молодец», «красная девица», «чисто поле», «ясный сокол» и др., дошедшие из древнейшего, возможно, праславянского эпоса. В таких ЭФ существительные сочетаются только с определенными традицией атрибутами. Прилагательные-эпитеты имеют строго определенные «наборы» субстантивов. Так, с эпитетом «белый» в былинах сочетаются субстантивы *береза, двор, груди, лицо, лебедь, конь, озеро, полотенце, паруса, рубашечка, свет, снег, тело, шатер, шея, чулочки, руки, ноги* и др. С эпитетом «большой» — *бой, брат, богатырь, дочь, земля, невзгодушка, место, сестра*. С эпитетом «быстрый» — *река, ручьи, руки, ноженьки*. Существительное «богатырь» имеет в былинах определители *большой, сильный, могучий, удалый, приудалый, русский, свято-русский, славный, младой, пресильный*. С существительным «брать» употребляются эпитеты *крестовый, названный, милый, родимый, большой, родной*. Вычленяются минимальные ЭФ, компонентный состав которых не варьируется; например, *блудова жена, парна банечка, в худой боли, ступью бродовою, сбеглой солдат*. Кроме того, одни ЭФ всегда бинарны, обычно ЭФ с компонентами *белый, быстрый, буйный, вострый, золотой, немилосливый, шелковый, ретивый, темный, чистый, ясный*;

другие допускают включение факультативного члена, например: *добрый молодец* — *удалый добрый молодец* — *дородный добрый молодец*; *серый камешек* — *горючий серый камешек* — *бел горюч камешек*; *великая сила* — *великая сила немалая*; *золотая казна* — *золотая казна несчетная*; *зычным голосом* — *богатырским зычным голосом* и т. д. Ряд минимальных ЭФ, характеризующихся бинарным составом, не допускают дистантного расположения членов и отличаются закрепленностью позиции атрибутива: *башня стрельчатая*, *басота молодецкая*, *булатный нож*, *булатное стремя*, *благословение великое*, *быстра река*, *быстры ручьи*, *вера христианская*, *вера неизменная* и т. д. Наиболее устойчивы и слабо варьируются ЭФ тавтологического содержания, а также парные сочетания типа «двандва»: *отец-мать*, *вины-виноватую*, *горе горькое*, *воля вольная*, *глубина глубокая*, *диво дивное*, *крепость крепкая* и другие.

Как уже отмечалось, фольклорные тексты представляют собой целую формальную микросистему, образованную из формульных единиц различной длины и степени усложнения: двусловные ЭФ объединяются в более сложные формульные образования. Сложные эпические формулы являются результатом «сложения» двух и более простых ЭФ, результатом развертывания бинома, а также «совмещения» двух и более фразеологизмов. Например: *Из-за моря-то было, моря синего, // Из-за синего моря, из-за Черного* [12, с. 45]; *Прилетали-то во чистом поле мне-ка твет-ангелы // Да садились они мне на могуци плеци*, [12, с. 51]; *Ен выходит на широку светлу улицу, // Он берет свою трубочку подзорную, // Он ведь смотрит на цетыре во все стороны: // Шъко не даличи, далече во чистом поле* [12, с. 53].

Сложные эпические формулы могут представлять собой стих, троп, обращение, устойчивый словесный комплекс, микроситуацию. Сложные ЭФ занимают стих или несколько стихов: *Он кидает палицу-удалицу и мец-тот самосек // Выше лесу стоящего // Сам под облацко ходецее* [13, с. 42]; *Мать-земля сколыбалисе, // Темны лесы спошаталисе* [13, с. 42]; *Ему кланялса Владимир до низкой земли: // «Ты же мошь ли, Илья Муромец, помиловать // Ты не ради все миня, князя Владимира, // Ты не ради Опраксии Королевисни; — // Хоть ты для-ради Божьих церквей соборных, // Уж ты ради монасты*

рей-то хоть спасенных, // Уж ты для-ради сиротских малых детоцек?» [12, с. 48].

Формула-троп (сравнение, метафора, обращение, анафора и т. д.) также может представлять собой эпическую формулу разной величины и сложности. Самым распространенным тропом в фольклоре является сравнение: *Белотой-то он все как котельна-та пригарина* [12, с. 81]; *День-то за день как дожж дожжит, // Неделя за неделюшку да как трава растет, // Год-то за год как река бежит, // Миновалось тому времяцька ведь двенадцать лет* [14, с. 246]; *Да не красное ль то солнышко пероспекло. // Не млад ли зде светел месяц пересеветил? // Как старый казак здесь Илья Муромец* [14, с. 157].

Формульной единицей в эпосе является и метофора: *Он не мог-то за обедом пообедати; // Розболелось у ево все ретиво серьце, // Закипели у ево все кровь горячая* [12, с. 216]; *Утепляет в цистом поли буйну голову* [12, с. 54].

Формулы-анафоры — это чаще всего микроситуация: *Да как далече-далече во чистоем поле, // Да как еще того подале во раздалыще* [14, с. 298]; *Поехал Микитушка Добрынюшка // Он за камень-то да за все за латырь-от* [14, с. 386].

Формулы-ситуации — это целые контексты с описанием событий, поступков героев, проявлений их чувств: формулы пира, описание богатырей, сборов богатыря в дорогу, формулы гнева и т. д. Например: *Выходил старой седатой Илья Муромец на кольцюжной двор, // Выбирал коня да самолучшего, // Котораго как лучше нет, // Уж как войлучки на войлучки накладывал, // ... Уж, уж войлуцкам приговаривал: «Уж ты, шолк не рвись, // Да ты, булат, не трись, // Цисто серебро, не вырзавей // Не ради-то басы, да ради богатырские-то крепости. // Видли добра молодца да седуцись, // Не видли как поедуцись, // Только дым стает да курева идет* [13, с. 43]. Это формула седлания коня. Она в свою очередь состоит из формул-микроситуаций: 1) наговор во время седлания коня (*Уж ты, шолк не рвись, // Да ты, булат, не трись, Цисто серебро не вырзавей*); 2) формула-описание быстроты передвижения богатыря (*Видли добра молодца да седуцись, // Не видли как поедуцись, // Только дым стает да курева идет*). В формулы-микроситуации могут входить формулы-фразеологизмы. В данном примере: *цисто серебро, добра молодца, крепости богатырские*. То же наблюдается и в других формулах-ситуациях. Например, в формуле пира: *Ай во славном было городи во Киеве*.

ве, // Ай у ласкового князя у Владимира // Заводилсэ-заци-
налсэ стол, поцесен пир // Ах на тех-ли на князей, бояр да все
богатых, // Шьче на тех-ли на купцей—гостей торговых, / Ай
на руських на сильных на богатырей, // На хресъян-то все на
бедных, на прижитесъных, // Ишие вси на пиру да напивали-
се, // Ишие вси на пиру-ту да наедалисе, // Ишие на пиру-ту
приросхвастались: // Ай богатой-от хвастат золотой казной, //
Ай богатырь-от хвастат могучей силой, // Ай ведь глупой-от
хвастат молодой женой, // Неразумной-то хвастат родимой се-
строй [12, с. 77—78].

Итак, лингвофольклористика, будучи особой дисциплиной, располагает и своей терминосистемой: главными ее единицами являются термины «фольклоризм» и «формула». Термин «фольклоризм» определяет целую систему терминов: «фонетический фольклоризм», «акцентуационный фольклоризм», «грамматический фольклоризм», «словообразовательный фольклоризм», «семантический фольклоризм» и «существенно лексический фольклоризм». Термин «формула» включает такие понятия, как формула-фразеологизм, формула-троп, формула-стих, начальная, медиальная и финальная формула, формула-ситуация.

Тексты традиционного русского фольклора, а в особенностях былин — это целая формульная микросистема, где формулы-ситуации, формулы-тропы, формулы-зачины, формулы-концовки конструируются из более мелких формульных единиц (формул-микроситуаций, формул-стихов, формул-фразеологизмов).

Формульность языка фольклора правильнее было бы определить как заведомую тягу к формульности, определяющуюся мнемонической функцией формулы. Сказитель, имея модель формулы, нередко «создает» их, строит словосочетания по типу формулы, результатом чего являются и «ложные формулы» типа «стакан пуншу сладкого», «племяша сын Епленкович», «прекрасная Владимирша», построенные по модели «прилагательное+существительное», а также словосочетания, идентичные слову: слово вымолвить, сказать слово, предал смерти, сделала изменушку и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хроленко А. Т. Что такое лингвофольклористика? — Русская речь, 1974, № 1.

2. Оссовецкий И. А. Язык фольклора и диалект, — Сб.: Основные проблемы эпоса восточных славян. М., 1958.
3. Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения, т. 20, М., 1961.
4. Якобсон Р. О соотношении между песенной и разговорной народной речью, — Вопросы языкоznания, 1962, № 3.
5. Гельгардт Р. Р. Избранные статьи, Калинин, 1967.
6. Калинин А. В. Лексика русского языка, Изд-ние 2-е, М., 1971.
7. Хроленко А. Т. О соотношении устно-поэтической и разговорной речи, — Сб.: Очерки по стилистике русского языка, Вып. I, т. 39, Научные труды Курского педагогического института. Курск, 1974.
8. Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды, — Онежские былины, М.-Л., 1949, т. 1.
9. Хроленко А. Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж, Изд-во ун-та, 1981.
10. Кумахов М. А. К проблеме языка эпической поэзии, — Вопросы языкоznания, 1979, № 2.
11. Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской необрядовой лирики. (К изучению эстетики устнopoэтического канона), — Русский фольклор, т. XXI, Поэтика русского фольклора, Л., Наука, 1981.
12. Марков А. Беломорские былины, М., 1901.
13. Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни, М., 1904.
14. Добриня Никитич и Алеша Попович, М., Наука, 1974.
15. Илья Муромец, М.-Л., АН СССР, 1957.
16. Ухов П. Д. Атрибуции русских былин, М.; Изд-во МГУ, 1970.
17. Еремина В. И. Проблемы исторической поэтики у А. Н. Веселовского, — Русский фольклор, т. XIX, Вопросы теории фольклора, Л., Наука, 1979.
18. Соколов Ю. М. Русский фольклор, М., Учпедгиз, 1941.
19. Фишков Ю. Б. К изучению устойчивых словесных комплексов обрядовой поэзии, — Сб.: Вопросы фразеологии, Вып. III, Труды Самаркандского госуниверситета имени А. Навои. Материалы Всесоюзного координационного совещания (октябрь), 1974, Самарканд, 1975.
20. Ройзензон Л. И., Щигарова В. К., Очерки по языку и стилю русской частушки (вопросы фразеологии), — Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои, Новая серия, Вып. № 250, Исследования по русскому и славянскому языкоznанию. Самарканд, 1974.
21. Ройзензон Л. И. О понятии «фольклорная фразеология», — Сб.: Проблемы устойчивости фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума. Тула, 1968.
22. Хоменко В. И. Фразеологический состав украинских народных сказок, записанных на Полтавщине, Автореф. дис. на соиск. ученой степени кандидата филологических наук. Киев, 1962.

ПРЕДМЕТНАЯ ОТНЕСЕННОСТЬ ТЕРМИНА «СОСТАВНОЙ (СЛОЖНЫЙ) ЧЛЕН ПРЕДЛОЖЕНИЯ»

И. М. Карельская

Горьковский университет

Понятие валентности (сочетаемости) широко употребляется в современной лингвистике. Впервые к нему обратились те языковеды, чье внимание привлекала семантика языковых единиц — слова, предложения (высказывания, фразы). Так, Л. В. Щерба к этому понятию шел от лексикологии, лексикографии, стилистики художественной речи, С. Д. Кацнельсон — от изучения семантической структуры предложения (высказывания). В синтаксической системе Л. Теньера, нацеленной на изучение «динамического синтаксиса», синтаксиса «живой фразы», совершенно очевидно смешение синтаксических и логико-семантических категорий (как в терминологии, так и в содержании).

В современном отечественном языкоznании понятие валентности стало широко употребляться, по-видимому, также прежде всего в связи с пристальным изучением семантической структуры предложения и в связи с разработкой структурно-семантических концепций простого и сложного предложения [1, с. 127; 2, с. 1—12]. Однако понятие валентности (сочетаемости) оказалось плодотворным и для развития теории словосочетания, а также для изучения всего синтагматического плана языка вообще, для изучения синтагматических потенций, сочетательных возможностей языковых единиц разных уровней языковой структуры [3, с. 208—211]. Это понятие может быть полезно и в изучении формально-синтаксической (конструктивно-синтаксической) организации предложения. Так, изучение валентных, сочетаемостных возможностей связочных и вспомогательных глаголов, функционирующих в «непростом» (составном, сложном) сказуемом, позволяет, на наш взгляд, уточнить сложившиеся представления о структурных разновидностях членов предложения и о предметной соотнесенности самого термина «составной (сложный) член предложения».

Обычно понятие о «составном» по структуре члене предложения (как и соответствующий термин) мы применяем лишь

к сказуемому, другие члены предложения такой квалификации не подлежат. Этим подчеркивается особая роль сказуемого в организации формально-сintаксического плана предложения: сказуемое является предикативным центром простого предложения, и его сочетательные свойства в значительной степени предопределяют строение предложения. Многие лингвисты в зарубежном и отечественном языкоznании считают главным членом предложения, его структурной «вершиной» не подлежащее, а сказуемое, имея в виду семантическую емкость глагольного слова и тот факт, что личный глагол, являющийся типизированным морфологическим выражением сказуемого, своими валентными свойствами как бы «задает» количество и качество второстепенных членов состава сказуемого и иногда даже форму подлежащего [1, с. 170; 4 с. 73—88; 5, с. 115 и др.]. В конечном счете эти идеи восходят, по-видимому, к вербоцентрическим идеям Л. Теньера. Интересны в этом отношении взгляды И. П. Распопова. И. П. Распопов признает, что предикативное словосочетание — это словосочетание с подчинительной связью, хотя и особой: «Прежде всего, с принципиально методологической точки зрения нельзя считать достаточным основанием для исключения данного явления из ряда других только то, что оно (это явление) входит еще и в другой ряд, что предикативное сочетание, в частности, будучи определенным сочетанием словесных форм, приобретает еще как-то особое качество как предложение или в составе предложения)... Исключение предикативных сочетаний из круга словосочетаний не оправдывается и практическими соображениями» [4, с. 12]. Но в этой паре слов, по мнению И. П. Распопова, главная роль принадлежит сказуемому, т. к. «именно сказуемым предопределяется в составе предложения функционально-сintаксическая позиция подлежащего, от чего в значительной мере зависит уже конструктивный облик всего предложения» [4, с. 74], и в конечном счете членами предложения являются те формы, которые попадают в сферу непосредственного влияния сказуемого по линии его соответствующих позиционно-проективных (валентных — И. К.) свойств [4, с. 78]. В именном сказуемом конституирующая роль принадлежит связке, присвязочная часть своими валентными свойствами также участвует в формировании конструктивного состава предложения, но не сама по себе, а в обязательном взаимодействии со связкой [4, с. 88]. Доказывая свой вывод

о приоритете сказуемого, И. П. Распопов подчеркивает следующие моменты:

1. Позиция подлежащего не предопределется формальными признаками самого подлежащего, т. к. именительный падеж подлежащего сам есть форма отношения имени к другим словам (в частности, к финитному глаголу в функции сказуемого). Позиция же сказуемого «достаточно ясно отмечается и обозначается его собственными формальными признаками» (формы наклонения, включающие формы времени и лица) [4, с. 75–76].

2. Смысловой вопрос задается от сказуемого к подлежащему столь же хорошо, как и от подлежащего к сказуемому, а в ряде случаев этот вопрос естественнее ставится именно от сказуемого к подлежащему [4, с. 76].

3. Значение сказуемого — «действие» или «состояние» — яснее, «грамматичнее», «достаточнее» само в себе, чем значение подлежащего. Значение же подлежащего или недостаточно, или нелогично для конструктивно-синтаксического плана («субъект» — это субъект какого-то действия или состояния; «предмет», «тема» — это категории, не относящиеся к конструктивно-синтаксическому плану предложения) [4, с. 74, 76].

4. Согласование сказуемого с подлежащим, которое происходит или может происходить по требованию подлежащего в категориях рода и числа, не играет решающей роли в образовании конструктивно-синтаксической базы предложения (для этого важны категории наклонения, времени, лица) и потому не может быть принято во внимание [4, с. 74].

Думается, однако, что можно найти возражения против этих аргументов. Ведь значение сказуемого — «действие» или «состояние» — также должно быть отнесено к какому-то субъекту, носителю этого действия или состояния, и в этом смысле значение сказуемого столь же «недостаточно», как и значение подлежащего. Формальные показатели глагола — сказуемого должны быть детально разработанными и дифференцированными, т. к. они передают многообразные отношения «действия» (глагола) — к действительности, к сознанию говорящего, к действующему лицу или предмету. Именительный падеж подлежащего воспринимается как специальная форма для обозначения позиции грамматической независимости. Последнее же утверждение об особенностях согласования сказуемого с подлежащим также не выдерживает критики: хотя категории рода и числа, в которых происходит согласование сказуемого

мого с подлежащим, действительно несущественны для организации конструктивно-синтаксической базы предложения, однако они важны и существенны для внутренней организации самого предикативного словосочетания как словосочетания. Только эти две категории являются общими для имени существительного и личного глагола, и именно по этим двум категориям происходит формальное уподобление сказуемого подлежащему. Т. о., в плане конструктивного синтаксиса пассивная сочетаемость глагола — сказуемого оформляется как сочетаемость грамматически зависимого слова [6, с. 9]. И потому более убедительным представляется мнение Н. Д. Арутюновой: «...в рамках синтагматического синтаксиса... главным членом пары (подлежащее + сказуемое — И. К.) должно быть признано подлежащее, составляющее абсолютную и независимую точку отсчета синтагматических звеньев» [7, с. 10].

Отказав сказуемому в исключительности и приоритете и признав другие члены предложения «рядоположенными» с ним, можно, далее, сопоставить структурные типы и формы сказуемого со структурными разновидностями других членов предложения, опираясь на валентные свойства связочных и вспомогательных глаголов, формирующих составные члены предложения.

Связочные (в составном именном сказуемом) и вспомогательные (в составном глагольном сказуемом) глаголы — это две своеобразные и замкнутые группы глаголов со сходными морфологическими свойствами и грамматизированным лексическим значением. Группа связочных глаголов включает полностью formalizованный глагол-связку «быть» и еще ряд полусвязочных глаголов, у которых общее грамматизированное значение «бытия, пребывания в каком-либо качестве, состоянии» совмещается с определенным лексическим наполнением, индивидуальным в каждом конкретном случае. Это лексическое наполнение обусловливает, при наличии общих для всех связочных глаголов сочетательных возможностей, некоторые индивидуальные особенности в сочетаемости каждого такого глагола. Так, в глаголе-связке «быть» выражается только значение «пребывания в каком-либо качестве, состоянии», в полусвязочном глаголе «являться» — значение «временного пребывания в каком-либо качестве, состоянии»; глагол «стать, становиться» несет идею «перехода из одного качества, состояния в другое», а глагол «казаться, показаться» — значение

ние «субъективного восприятия предмета в том или ином качестве, состоянии». Всем связочным глаголам свойственна типовая «грамматическая» сочетаемость с именительным и/или творительным падежом именного слова или с наречием («был, стал, являлся главным инженером», «был смелый и решительный», «оказался заводилой во всех проделках» и т. п.). Однако при возможности сочетаний «(в саду) было, стало, казалось свежо», нельзя сказать «являлось свежо», глагол-связка «оказаться» обычно сочетается не с именительным, а с творительным падежом и при этом способен присоединять форму дательного падежа со значением субъекта восприятия («поездка показалась ему утомительной») и т. д. Все связочные глаголы — непереходные, среднего залога, имеют соотносительные глаголы, парные по виду.

Вспомогательные глаголы также составляют специализированную группу глаголов со сходными морфологическими признаками и близкими синтагматическими возможностями. Все они непереходные, среднего залога, с грамматизированным лексическим значением, модальным или фазовым. Сочетаемость с инфинитивом в составе «непростого» сказуемого — их характерная типовая сочетаемость, совсем несвойственная лексически полнозначным глаголам, омонимичным пассивным вспомогательным глаголам. Например, можно сказать «начал работать» («начал» — вспомогательный фазовый глагол, сочетающийся с инфинитивом другого глагола) и «начал работу» («начал» — омонимичный первому полнозначный глагол, сочетающийся с винительным падежом имени существительного). Одновременно же реализовать обе эти валентные связи невозможно.

Вспомогательные и связочные глаголы имеют ту же систему форм, что и лексически полнозначные глаголы: инфинитив, личные, причастные и деепричастные формы. Например: «начинать работать, начинаю работать, начинающий работать, начиная работать; быть учителем, буду учителем, бывший (в то время) учителем, будучи учителем» и т. д. В составе предложения такие словосочетания (комплетивные по характеру отношений между их компонентами) оказываются составными членами предложения (если применить к ним классификацию форм сказуемого). Например: «Он очень **желал поехать** по распределению на Север» (составное глагольное сказуемое); «Сотрудники, **желающие поехать** на экскурсию, должны

подать в местком заявление» (составное определение); «Желая поехать на работу на Север, он просил об этом комиссию по распределению» (составное обстоятельство причины); «В этом месяце бригада начала работать на новом объекте» (составное глагольное сказуемое); «Начальник строительства приказал начинать работать на новом объекте» (составное дополнение); «Молодому специалисту, начинающему работать самостоятельно, всегда бывает нелегко» (составное определение); «В то время этот человек был главным инженером завода» (составное именное сказуемое); «Бывший в то время главным инженером завода, этот человек отдал много сил производству» (составное определение); «Будучи главным инженером, он много сделал для технического перевооружения завода» (составное обстоятельство времени) и т. д. Надо полагать, подобные факты языка и привели авторов одного из популярных учебных пособий по теории современного русского языка к выводу о том, что, кроме составного сказуемого, существует также и составное подлежащее, например: «Стать учителем — его мечта» [8, с. 326]. Если же быть до конца последовательным, то, очевидно, следует признать, что все члены предложения могут быть по своей структуре не только простыми, но и составными (сложными). По-видимому, не может быть составным лишь приложение, поскольку в системе форм современного русского глагола нет формы, которая обладала бы свойствами глагола и имени существительного, подобно тому, как причастие совмещает в себе признаки глагола и имени прилагательного, а деепричастие — признаки глагола и наречия. Т. о., учитывая валентные свойства связочных и вспомогательных глаголов, можно уточнить структурную классификацию членов предложения и предметную отнесенность термина «составной (сложный) член предложения».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис — М., 1977.
2. Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. — М., 1976.
3. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание — М., 1979.
4. Распопов И. П. Очерки по теории синтаксиса. — Воронеж. 1973.
5. Чейф У. Значение и структура языка. — М., 1975.

6. Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке — М., 1976.
7. Арутюнова Н. Д. Вариации на тему предложения. — В кн.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. — М., 1969.
8. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И., Цапукевич В. В. Современный русский язык — М., 1971.

СОСТАВНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Г. С. Шипова

Московский пединститут

Постоянный рост социальной роли науки, увеличение объема научной информации объясняют то особое внимание, которое уделяется изучению терминологических систем.

Анализ так называемых составных терминов — терминологических словосочетаний (ТС) — в отношении их семантики и структуры имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение в работе терминологов, в сопоставлении терминологических словарей, при переводе и преподавании иностранных языков.

Как отдельные термины, так и ТС целесообразно изучать в сопоставительном плане, т. к. сопоставительный анализ является эффективным средством определения как общих, так и специфических особенностей языковых явлений, отдельных микросистем языка. Подобную микросистему благодаря своим структурно-семантическим особенностям образуют и ТС, взятые в границах лингвистической терминологии.

В основе сопоставительного анализа ТС русского, английского и немецкого языков, выражающих единое лингвистическое понятие, должны лежать определенные принципы: понимание лексики как системы, сопоставление лексических единиц в плане их формы и содержания, синхронный уровень анализа, предшествующий анализ сопоставляемых явлений и единиц в каждом из языков, семантический критерий определения инварианта сопоставления, т. к. на нем основывается акт коммуникации, выявление степени сходства и различия путем наложения одной системы на другую.

Составные термины состоят не менее, чем из двух термино-элементов, хотя в их состав и могут входить компоненты, не являющиеся терминоэлементами, например, артикли и предлоги. ТС широко распространены в стиле научной прозы и представляют собой значительный терминологический пласт лексики.

Все три сопоставляемых языка имеют значительное число составных лингвистических терминов. Они неоднородны по своей структуре и организованы по строго определенным моделям. В русском и английском языках они составляют более половины всех лингвистических терминов, в немецком — менее одной трети. Это объясняется высокой продуктивностью словосложения в немецком языке, что характеризует и процесс терминообразования.

Ядром каждой модели ТС в трех языках является имя существительное. Однако, если в составных терминах русского и немецкого языков вокруг имени существительного группируются имена прилагательные в функции определения, то в английском языке половина терминообразующих моделей представляет собой предложные конструкции в соответствии с его аналитическим строем.

Имена прилагательные и адъективированные части речи выступают в моделях составных лингвистических терминов, главным образом, в препозиции.

Для определения их структуры был проведен анализ ТС, выделенных из современных словарей лингвистических терминов в результате сплошной выборки. Выделены две группы моделей в сопоставляемых языках: субстантивно-адъективные модели и субстантивные. По количеству структурных компонентов — модели двучленные, трех- и четырехчленные.

В русской лингвистической терминологии 77,8% моделей ТС являются субстантивно-адъективными, в немецкой — 79,5%, в английской — 83,4%, субстантивных моделей соответственно языкам 22,2%, 20,5% и 16,6%. В русском языке преобладают трехчленные модели данных терминов — 55,5%, в английском — 50%, т. е. составляют половину, а в немецком 29,3%.

Для сопоставления продуктивности моделей составных лингвистических терминов, обозначающих идентичное понятие в трех языках, произвольно отобраны 600 единиц, включенных в словарь О. С. Ахмановой (Словарь лингвистических

терминов, Мәскәү, 1966) с переводом на немецкий и английский языки, установлены их терминообразующие модели и определено соотношение каждой модели с соответствующими ей моделями русского языка. В результате оказалось, что в современном русском языке для выражения лингвистических понятий имеется большее число моделей ТС, что создает емкую систему терминологии и обеспечивает наиболее точную передачу лингвистического понятия.

При анализе смысловой структуры составных лингвистических терминов необходимо учитывать то обстоятельство, что значение ТС определяется значением сочетающихся слов, но не представляет собой арифметическую сумму отдельных значений, а диалектическое единство терминируемого понятия в его расчлененном виде.

Смысловая структура лингвистических ТС в русском, английском и немецком языках сопоставлена на основе компонентного анализа, т. к. выделение элементарных компонентов значения способно объяснить семантическую структуру термина и сопоставить ее с рядом других языков.

Все ТС включают определенный набор сем, например: профессиональность, процессуальность, предметность, качественность, абстрактность, конкретность, темпоральность, локальность, партитивность и некоторых других, реализуемых в каждом конкретном случае по-разному.

Анализ показал, что дифференциальные элементы значения (семы) в большинстве случаев во всех трех языках идентичны независимо от структурных различий ТС. Это и обеспечивает при переводе идентичность значения и совпадение количества информации, содержащейся в составных терминах.

Результаты компонентного анализа русских, немецких и английских лингвистических ТС сопоставлены между собой, что дало возможность классифицировать их на основе определенных семантических групп и выделить два крупных семантических блока: 1) блок абсолютно тождественных составных терминов и 2) блок семантически тождественных составных терминов.

Первый семантический блок включает ТС, совпадающие по всем показателям: структуре, лексическому составу и семантике. Абсолютно тождественные ТС характеризуются полным совпадением в трех языках всех семантических компонентов.

Второй семантический блок содержит ТС, имеющие идентичное семантическое значение, но различающиеся как по лексическому составу, так и по компонентам структуры.

Определены структурно-семантические сходства и различия моделей ТС, соотнесенных между собой в русском, немецком и английском языках. Они обусловлены особенностями их строя (аналитического и флексивного), наличием в ТС прилагательных или сложных имен существительных, различными способами выражения идей притяжательности, использованием иноязычных (греко-латинских) основ при образовании составного термина, описательным характером некоторых моделей ТС, способствующих более точному выражению терминируемых понятий.

Научные термины неотделимы от научных понятий, характеризующих определенную отрасль науки. Лингвистическое понятие выражается как простым (однословным) термином, так и термином составным, т. е. ТС, которое представляет собой абстрагированное, обобщенное название различных языковых (грамматических, звуковых, словообразовательных, лексико-семантических и др.) единиц и явлений.

Исходя из того факта, что различные грамматические и лексические средства, выражающие и называющие какое-либо значение, связаны между собой определенными отношениями, проанализированы и сопоставлены логико-семантические отношения и связи внутри лингвистических ТС трех языков. Это позволило уточнить содержательную сторону, дать развернутую характеристику и дифференцировать тем самым терминологические понятия, выраженные в составных лингвистических терминах.

В группе двучленных составных терминов трех языков можно выделить следующие логико-семантические отношения:

- 1) процессуально-предметные отношения;
- 2) предметно-качественные отношения.

В процессе логико-семантического анализа выявились своеобразная иерархия сем лингвистических ТС, свойственная трем языкам. Семами низшей степени обобщения следует считать: предметность, процессуальность, качественность, темпоральность и др. Семами высшей степени обобщения: профессиональность и абстрактность.

Таким образом, терминологические словосочетания в сопоставляемых языках представляют собой сложное логико-семантическое единство, характеризуемое, с одной стороны,

смысловой целостностью, а с другой, способностью выражать определенные логико-семантические отношения. В этом проявляется их диалектическая сущность.

ВНУТРЕННЯЯ СТОРОНА СЛОВА И НЕКОТОРЫЕ ТЕРМИНЫ ЭТОЙ ОБЛАСТИ В ОПИСАНИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВЕДОВ

B. N. Шапошников

Горьковский НИИ прикладной математики и кибернетики

Описание внутренней стороны слова и исследование природы его содержания — важнейший этап в изучении языка. Только на основе правильного решения этого вопроса можно делать дальнейшие выводы относительно принципов работы языкового механизма и, далее, о месте и роли языка в человеческом обществе и природе. Важность и необходимость этой проблемы всегда понимали русские языковеды, поэтому изучение слова с точки зрения его способности к выражению некоторого содержания находилось в центре внимания отечественной науки — в отличие от ряда зарубежных лингвистических направлений, представители которых пытались строить концепции языка без учета его содержательных характеристик. Но в той же мере, в какой вопрос содержания слова важен для науки, его решение представляет немалую сложность, поскольку исследование языковых значений неизбежно затрагивает весь комплекс вопросов взаимоотношения языка и сознания, языка и общества и других подобных задач. Несмотря на огромную трудность, отечественная лингвистическая мысль достигла в этой области немалых результатов. К началу нашего века выдающиеся русские ученые на основе обобщения данных языкоznания и других, смежных с ним наук, построили целостную модель структуры слова. Ввиду того, что вокруг проблемы содержания слова сейчас ведутся непрекращающиеся споры, а в употреблении терминов этой области наблюдается видимый разнобой, может оказаться полезным сравнение нынешнего состояния дел с историей учения о слове и с традицией использования связанных с ним терминов «значение», «смысл» и «семантика», очень употребительных в настящее время.

Начнем с определения словесного содержания А. А. Потебней. Он указывал, что «языкознание, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слова только до известного предела. Так как говорится о всевозможных вещах, то без упомянутого ограничения языкознание заключало бы в себе, кроме своего неоспоримого содержания, о котором не судит никакая другая наука, еще содержание всех прочих наук. Например, говоря о значении слова «дерево», мы должны перейти в область ботаники. <...> Под значением слова разумеются две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем ближайшим, другую, составляющую предмет других наук, — дальнейшим значением слова» [7, с. 18]. По-видимому, категория ближайшего значения слова у А. А. Потебни соответствует одной из трактовок категории понятия в современной логике — как «любой абстракции, обозначаемой тем или иным именем, независимо от того, возникла ли эта абстракция непосредственно в практической деятельности на основе чувственных данных или является результатом логического процесса»; это «просто любой предмет, ставший объектом мысли» [3, с. 108]. Категория дальнейшего значения может быть истолкована как понятие в смысле «системы (совокупности) знаний общих свойств и отношений предметов некоторого класса» [3, с. 113]. Приведенное рассуждение А. А. Потебни как будто дает основание говорить о том, что под значением он подразумевал гносеологическую категорию — отображение. Но у крупнейшего языковеда есть и другие глубокие мысли относительно природы содержания слова, которые мы также обязаны учесть и без которых его концепция предстанет в слишком упрощенном виде. На основе некоторых высказываний можно заключить, что Потебня все же не ставил знак равенства между содержанием слова и понятием, которое слово выражает, а считал слово гораздо более сложной структурой. Например, он утверждал, что «слово, сказанное одним, вызывает в другом то же представление (т. е. признак, коим слово обозначает известное содержание), а представление вводит в сознание весь комплекс мысли, связанный с ним» [8, с. 225]. Как можно видеть, здесь содержится и мысль об отражении в сознании познаваемых предметов, и догадка о существовании «отпечатков» звуковых оболочек слов, и предположение относительно возможности ассоциативной связи между отражениями обоих видов. И, хотя объяснение природы слова носит не особенно отчетливый

характер (это следует отнести, наверное, главным образом на счет малой изученности физиологии, психики и мышления человека наукой той эпохи), на наш взгляд, есть основания говорить о том, что концепция внутренней стороны слова А. А. Потебни содержит в начальной форме учение о значении слова как ассоциации отображения предмета и отображения звуковой оболочки слова. Причем в объяснении А. А. Потебней принципа работы слова есть одна неповторимая черта: он мыслит слово не двухкомпонентной (звук+значение), а трехкомпонентной единицей — произнесенный звук связан с понятием о предмете не прямо, а через представление об этом предмете. То есть воспринятый звукоряд вызывает в сознании сначала представление предмета как его наглядный образ, а затем уже, в свою очередь, представление «вводит в сознание весь комплекс мысли».

Младший современник Потебни, Ф. Ф. Фортунатов, также работал над проблемой содержания слова, и его подход к ней не повторяет потебнианскую концепцию. Ф. Ф. Фортунатов уже отчетливо видит природу слова гораздо более сложной. Как и А. А. Потебня, он указывает на существование в сознании отображения обозначаемого предмета, но квалифицирует это отображение по-другому. Если Потебня как будто склонен был считать образ предмета логической категорией, то, согласно точке зрения Фортунатова, соответствующий слову образ представляет собой психическое образование. «Исследование значений слов, — пишет ученый, — принадлежит той науке, которая изучает духовные явления и называется психологией». [11, с. 27]. Образ называемого явления Ф. Ф. Фортунатов обозначает термином «представление» и поясняет, что «представлением... называется тот след ощущения, который сохраняется некоторое время после того, как не действует причина, вызвавшая ощущение, и которая впоследствии может воспроизводиться по действию закона психической ассоциации. Все наши духовные явления (как первичные, называемые ощущениями, так и различные сложные чувствования, а равно и сами представления) способны воспроизводиться по действию этого закона». [11, с. 29]. Представление предмета Ф. Ф. Фортунатов называет значением. Но при этом исследователь не уклоняется от ответа на вопрос о том, за счет чего некоторый образ предмета оказывается связанным с определенной звуковой оболочкой. Он говорит о существовании в

сознании, кроме представлений предметов, еще и представлений звуковых оболочек слов, а также об ассоциативной связи между отображениями обоих видов. Ф. Ф. Фортунатов подчеркивает, что «между звуками слова и тем, что ими обозначается, не существует непосредственной связи», а что «связь представлений слов с ощущениями и представлениями обозначаемых словами предметов столь тесная, что может казаться, будто между данными звуками слова и тем, что ими обозначается, существует непосредственная по происхождению связь». [11, с. 34]. В понимании роли отображений как первого, так и второго вида в процессе мышления ученого характеризует одна отличительная черта. Он приходит к мысли, что «значения звуковой стороны слов для мышления состоят в способности представлений звуковой стороны слов сочетаться между собой в процессе мышления в качестве заместителей, представителей других представлений в мысли» [11, с. 42]. Тем самым ассоциативная связь между образом явления и образом звука в интерпретации Ф. Ф. Фортунатова предстает ослабленной, «факультативной», поскольку в мышлении мы оперируем лишь образами звуков. Образы же самих обозначаемых предметов оказываются как бы изъятыми из процесса мышления и играют пассивную роль. Думается, это следует отнести не только к издержкам психологической концепции Ф. Ф. Фортунатова, но и к стремлению преодолеть ее ограниченность. Очевидно, внимательный исследователь был не до конца уверен в том, что в речемыслительной деятельности человек оперирует наглядными картинами предметов. Но, тем не менее, глава московских лингвистов еще не пришел к мысли, что создаваемые сознанием образы носят не конкретный, а абстрактный, обобщенный характер.

И. А. Бодуэн де Куртенэ вполне определенно высказывается о наличии в сознании отображения произнесенного звука и отображения явления, которые «ассоциируются в одно неразрывное целое как «слово» и его «значение» [1, с. 86], хотя по сложившейся традиции он использует термин «значение» как название образа предмета. Представление звукового комплекса состоит, по мнению ученого, из «представления комплекса произносительных работ» и «акустического впечатления». Оценка Бодуэном де Куртенэ отображения предмета отличается от соответствующих трактовок А. А. Потебни (двухступенное образование) и Ф. Ф. Фортунатова (наглядный образ). Подобно Потебне и в отличие от Фортунатова он

употребляет как равнозначные термины «представление» и «понятие». Но отсюда, однако, не следует, что И. А. Бодуэн де Куртенэ сводил все процессы сознания к чувственному отражению. Просто в своих исследованиях ученый рассматривал сознание как нечто единое и не выделял из него мышление, обозначая термином «психика» высшие функции, присущие человеческому сознанию («без мозга нет психических явлений» [1, с. 56]). Критерием же принадлежности к психике он считал оформленность ее результатов в виде представлений и понятий: «Я еще раз должен отметить ошибочность отождествления психики с сознанием. Психично не то, что является сознательным, а то, что может быть осознано как представление, понятие или группа представлений и понятий» [1, с. 58]. Нужно взять во внимание и то, что, по мнению И. А. Бодуэна де Куртенэ, все образы человеческого сознания делятся на три группы: «1) из области физического мира (вместе с миром биологическим); 2) из области мира общественного; 3) из области мира лично-психического» [1, с. 86]. Если отображения первой группы и можно получить с помощью только органов чувств, то, без сомнения, для конструирования образов из «области мира общественного», носящих высокий абстрактный характер, необходима обобщающая работа именно мысли. Из этого можно заключить, что И. А. Бодуэн де Куртенэ не сосредоточивал своего внимания на разграничении чувственных и логических категорий. Однако это не мешало ему видеть в слове средство обобщения и относить образы называемых предметов к уровню более высокому, чем чувственный.

Другие ученые: В. К. Поржезинский, А. И. Томсон, Д. Н. Кудрявский, Д. Н. Ушаков — в вопросе о содержании слова последовательно придерживаются ассоциативной теории. Это можно заключить из некоторых высказываний.

В. К. Поржезинский: «Тот факт, что слова языка имеют значение, мы должны понимать следующим образом: представление звуковой стороны слова является для нас символом, знаком нашего мышления, вместо представления того предмета или явления нашего опыта, которое остается в данный момент не воспроизведенным» [6, с. 129].

А. И. Томсон: «Способность, называемая знанием языка, заключается в том, что... звуковые представления ассоциируются не только с соответствующими двигательными представлениями (воспоминаниями), но ассоциируются еще со всеми

тами представлениями и чувствованиями, которые возникают в нас и которые составляют значения языка» [9, с. 6].

Д. Н. Кудрявский: «В слове нет постоянной связи между звуком и значением. Это значит, что связь эта устанавливается путем привычки, благодаря постоянной ассоциации известного сочетания звуков с определенной группой представлений. Когда мы слышим какое-либо слово, слуховое впечатление вызывает в нас известную группу представлений, и эти представления в свою очередь могут заставить нас произносить те слова, которые связаны с ними постоянной ассоциацией» [5, с. 89].

Д. Н. Ушаков: «Слуховые представления звуков слов вызовут в сознании слушателя те непосредственные образы предметов, которые в прежнем опыте слушателя ассоциировались с ними. Иначе говоря, в сознании слушателя возникнут те значения, которые он привык связывать с услышанными словами» [10, с. 60.]

Как и ранее упоминавшиеся авторы, эти ученые также называют значением слова отображение предмета, причем трактовки этого образа в основном совпадают с изложенными выше. В своих объяснениях принципов работы слова они исходят из факта существования в сознании отображений звукового комплекса и предмета и наличия связи между ними. В. К Поржезинский и Д. Н. Ушаков подчеркивают, что, поскольку отображения звуковых оболочек слов суть заместители образов предметов, то в мышлении мы воспроизводим только образы звуков. Как пишет Д. Н. Ушаков, «мы можем мыслить не при помощи представлений предметов, а при помощи их заместителей — представлений слов, причем образ предмета уже не воспроизводится в нашем сознании» [10, с. 280].

В указанных работах при решении проблемы значения слова говорится и об отношении этой категории к выражаемым словам эмоциям, экспрессии. Так, А. И. Томсон обращает внимание на то, что, «кроме главных представлений, обозначаемых словами, нужно считаться еще с побочными представлениями и чувствованиями, которые также входят обыкновенно в состав значений слов» [9, с. 280].

Итак, взятые для обзора работы наиболее авторитетных представителей русского языкоznания показывают тот немалый интерес, который проявляла отечественная наука к изучению содержания слова, а также ту большую роль, которую

руссые языковеды отводили в своих концепциях объяснению работы слова. Под значением все они подразумевают отражение предмета в сознании; трактовка природы этого образа носит не совсем одинаковый характер. Например, Ф. Ф. Фортунатов видит в нем исключительно психическую сущность. Психологической точки зрения на природу отображения предмета придерживаются не все ученые последующего времени. Во-первых, наряду с термином «представление» языковеды употребляют и термин «понятие», а, во-вторых, самим термином «представление» обозначают какологические образования, так и понятия.

Называя отображение предмета значением, исследователи описывают и его связи, взаимоотношения с сопутствующими категориями, без которых образ предмета не мог бы ни возникнуть, ни существовать. Кроме отражения предмета, говорят ученые, в сознании существует также образ звуковой оболочки слова; образы обоих видов связаны между собою по закону психической ассоциации. В этой ассоциации образов и состоит принцип работы языка. Воспроизведимость образов оценивается по-разному: некоторые языковеды (Ф. Ф. Фортунатов, Д. Н. Ушаков) считают, что в своей речемыслительной деятельности человек оперирует лишь отражениями звуков, а отражения предметов при этом не воспроизводятся. Эту точку зрения развивают не все ученые.

Термин «семантика» в обиход отечественного языкоznания введен И. А. Бодуэн де Куртенэ. «В языке, — пишет Бодуэн де Куртенэ, — напрашивается разграничение 1) его «внешней» стороны, чисто фонетической; 2) его «внеязыковой» стороны, стороны семантических представлений <...> Семантические представления, заимствованные и из физического мира, и из мира социального, и из мира «внутреннего», психического, лежат, собственно говоря, за границами языка <...> 3) его морфологической стороны, его структуры». [1, с. 163]. Как можно понять из этого высказывания, под терминами «семантика», «семантическое» ученый подразумевает всю совокупность явлений внешнего и внутреннего мира, которая отражается общественным сознанием и фиксируется в языке. В соответствии с мнением автора о «внеязыковом» характере семантических представлений они должны составлять объект энциклопедических словарей.

И. А. Бодуэн де Куртенэ употребляет также термин «семантика» и как синоним термина «семасиология». В таком

значении этот термин встречается и у некоторых других ученых (например, у А. И. Томсона).

Все упоминавшиеся ученые используют и слово «смысл», но не как член терминосистемы, а как общеязыковой элемент.

Сказанное свидетельствует о завидном единстве в употреблении рассматриваемых терминов, а также во взглядах на их предметную и понятийную соотнесенность. В этом нас убеждает и обращение к словарям того времени. «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрана определяет значение следующим образом: «В основе значения слова лежит психический процесс ассоциации идей: сложная идея внешней формы слова (представление самого слова, состоящего из акустических и моторных представлений; звуковой образ слова и представление тех движений органов речи, которые необходимы для его произнесения) связана ассоциацией по смежности с другой идеей — понятием, означаемым посредством данного слова, или значением этого последнего» [2, с. 422]. «Грамматический словарь» Н. Н. Дурново объясняет значение слова как «понятия, которые ассоциируются (связываются) говорящими с представлением о звуковом сочетании, составляющем слово» [4, с. 47].

Как видим, словари, отражая теоретическое и терминологическое единство в отечественной лингвистике того времени, также называют термином «значение» существующее в сознании отображение предмета, объясняя при этом природу содержания слова принципом ассоциации отображения предмета и отображения звуковой оболочки слова. Термины «семантика» и «смысл», не получившие в науке широкого распространения, в словарях не объясняются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избр. тр. по общ. языковн., т. 2, М., 1963.
2. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедич. словарь, т. XXIX. ОПБ., 1900.
3. Войшвилло Е. К. Понятие. Изд-во МГУ, 1967.
4. Дурново Н. Н. Грамматический словарь. М.—Пг., 1926.
5. Кудрявский Д. Н. Введение в языкознание. Юрьев, 1913.
6. Поржезинский В. К. Введение в языковедение. М., 1916.
7. Потебня А. А. Из записок по рус. грамматике, т. 1—2 М., 1958.
8. Потебня А. А. О национализме. — Потебня А. А. Мысль и язык. Харьков, 1913.
9. Томсон А. И. Общее языковедение. Одесса, 1906.
10. Ушаков Д. Н. Краткое введение в науку о языке. М., 1925.
11. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды, т. 1. М., 1956.

ТЕРМИНЫ «СТАНДАРТ» И «ШТАМП» В РАБОТЕ В. Г. КОСТОМАРОВА «РУССКИЙ ЯЗЫК НА ГАЗЕТНОЙ ПОЛОСЕ»

Г. М. Грехнева

Горьковский университет

Наблюдения над употреблением в лингвистических работах терминов «стандарт» и «штамп» показывают, что обозначается ими не вполне определенный и разный круг явлений. Противоречива, неоднозначна и оценка языковых фактов, обозначаемых этими терминами. Штампы, стандарты то осуждают как серьезную болезнь современной речи, то признают не только неизбежными, но и «конструктивными». Одни исследователи употребляют эти термины как синонимы, другие настаивают на их разграничении. В условиях существующей неупорядоченности в употреблении терминов «стандарт» и «штамп» целесообразно проанализировать их функционирование в работе видного современного исследователя газетной речи В. Г. Костомарова «Русский язык на газетной полосе», МГУ, 1971. Эта работа — первое и по сей день единственное специальное монографическое исследование газетного стиля, выявляющее его коммуникативно-стилевое своеобразие. В контексте данной статьи монография В. Г. Костомарова интересна тем, что в ней впервые развернуто обосновывается идея разграничения терминов «стандарт» и «штамп» и обозначаемых ими явлений. Автор настойчиво говорит о необходимости различать стандарт, явление в газете (да и в других типизированных сферах общения) неизбежное и конструктивное, и штамп — негативное, деструктивное явление, имеющее резко отрицательный эстетический и социальный эффект.

Конструктивным признаком газетного стиля он считает единство двух равноправных тенденций — к стандартизации и к экспрессивности. В газете, где аудитория разнообразна и массова, надежность коммуникации и единственность информации могут быть достигнуты за счет постоянного чередования нейтральных стандартов (элементов немаркированных) и экспрессем (маркированных единиц). Термины «стандарт» и «экспрессия» используются здесь для обозначения регулярного противопоставления маркированных и немаркированных

средств выражения: нейтральные стандарты — это речевые средства, выступающие как фон, на котором заметна экспрессия.

«Подача... информации в газете отличается разбавлением информационно-содержательных и композиционно-объединяющих стандартов экспрессивными элементами и связующими вставками: одно из предприятий Львова *приготовило сюрприз* для фотолюбителей. Новая электронная лампа—вспышка «Электрон» весит *всего* 250 г... Эта миниатюрная «молния» работает от аккумуляторов, заряжающихся от *обычной* электроросети... (Изв., 23.2.68), [2, с. 90].

Газетный текст, чтобы быть и воздействующим, и информативным, (а эти две функции газеты нераздельны), должен в своей структуре чередовать экспрессивные и информативные сегменты. «В этих чередованиях и состоит композиционная и языковая сущность газеты... Делается все возможное, чтобы так или иначе построить схему: экспрессия—стандарт—экспрессия — стандарт... — на всем протяжении текста». [2, с. 92].

Представляется, правда, что при таком понимании экспрессии и стандарта трудно увидеть в их чередовании конструктивный признак именно газетного стиля, потому что столкновение в тексте маркированных и немаркированных единиц — общий принцип создания речевой выразительности: «Выразительно в речи все то, что выделяется семантически или формально на общем привычном речевом фоне той или иной ситуации общения». [1, с. 188]. Этот общеречевой принцип в условиях развитого языка со сложившейся системой функциональных стилей реализуется функционально, потому что в каждом стиле свой фон (нейтральные, немаркированные элементы) и свои экспрессемы, точнее, элементы, способные оказаться экспрессеми. Например, разговорные по окраске слова, обороты, конструкции в своем стиле — нейтральные единицы, фон (стандарт, по В. Г. Костомарову), а включенные в текст научного или газетного стиля, могут оказаться средством создания выразительности (экспрессемами). Стилевое расслоение языка сформировало мощное средство создания выразительности: столкновение в тексте (уместное, целесообразное) разностильных элементов. В газете это средство используется широко, и арсенал разностильных элементов здесь велик.

Автор считает, что источником газетной экспрессии является «весь язык», только специфически, конструктивно «остраненный». [2, с. 177]. Иностильными речевыми экспрессиями здесь оказываются и элементы разговорной речи, и иноязычные слова и выражения, и специальные профессионализмы, и фольклорно-поэтические обороты и многое другое. И это хорошо иллюстрируется в книге богатейшим фактическим материалом (см. гл. 4). Но ведь столкновение нейтрального (в пределах определенного стиля) фона и иностильных единиц используют в целях создания выразительности и другие функциональные стили. Это явление не специфично для газеты. Специфику, по-видимому, можно обнаружить не в самом столкновении экспрессии и стандарта, а в реальном речевом своеобразии этих явлений в газете.

Но вернемся к термину «стандарт» в его конкретном текстовом функционировании в работе В. Г. Костомарова. Наблюдения показывают, что со словом «стандарт» для автора связан не всегда одинаковый круг речевых явлений. По определению стандарт—это «любое интеллектуализованное средство выражения — независимо от природы — в его противопоставленности средствам с так или иначе выраженной экспрессией» [2, с. 180]. «...стандарт можно определить как анти-экспрессию, а экспрессию—как антистандарт...» [2, с. 158]. По мнению автора, сама противопоставленность экспрессивных и стандартных единиц создается в тексте, «проявляется... лишь в пределах отдельного «разового» контраста», так что на сравнительно небольшом текстовом пространстве одни и те же языковые единицы могут оказаться то в экспрессивных, то в стандартных речевых сегментах. Автор прямо пишет о «взаимопереходах экспрессии и стандарта на протяжении чередования» [2, с. 113] и дает примеры таких переходов. Сами чередующиеся речевые сегменты оказываются отрезками разной и неопределенной длины от слова, сочетания слов до целого текста, ибо выделяются три типа, уровня чередований: внутрифразовые, или пофразовые, контекстные и композиционные.

«Внутрифразовыми», или «пофразовыми», оказываются «чередования стандартного обозначения с его так или иначе окрашенным эквивалентом — более редким словом, метафорой, описанием, термином, иноязычным переводом и т. д.: *совет — орган народной власти — орган демократии — орган народовластия*. (Изв., 29, 8, 67)... *Курорт Паланга — здравница янтарного края — жемчужина Янтарного берега — край*

солнечного камня (Пр., 7, 2. 68 и (Изв., 14.3.68)... «он страйн» —bastuem! (Изв., 18.9.67) [2, с. 105—106].

2. «Контекстными», т. е. выходящими за пределы одного предложения и осуществляющими на больших отрезках текста являются «чертежование содержательно независимых друг от друга элементов разных стилистических и иных окрасок, например, вообще книжных, в пределах которых собственно и живет газетный язык, и вообще разговорных». [2, с. 117—118].

Контекстные чередования могут сочетаться и сочетаются с внутрифразовыми, а сами контекстные «развертываются в пределах еще более крупных противопоставлений уже собственно композиционного уровня» [2, с. 132].

3. Среди композиционных чередований «многообразные соотношения зачина и текста, зачина, текста и концовки. К ним относятся также диалектологические и «сказовые» композиции, построения отталкиванием от пословиц и поговорок, «цитат» и целых литературных произведений [2, с. 132].

Композиционные чередования, оставаясь еще собственно речевыми, «границат со стандартно-экспрессивными конструктивными противопоставлениями, создаваемыми уже экстралингвистически — соотношениями иллюстраций и текстов разного жанра, полиграфическими возможностями». [2, с. 132].

Обозначая элементы схемы чередования, термины «стандарт» и «экспрессия» номинируют не языковые единицы, а части, сегменты речевых структур, последовательностей языковых знаков в их взаимной текстовой соотнесенности. По отношению к конкретным частям, фрагментам речевых структур характеристики «стандарт», «экспрессема» оказываются не постоянными, а разовыми, действующими только в пределах данного текста.

Но в книге В. Г. Костомарова можно обнаружить и иное понимание термина «стандарт». Вот, например, несколько высказываний о стандарте из главы 6:

«Отличительными чертами стандарта выступают воспроизведимость, однозначная семантика и прежде всего нейтрально-нормативная окраска» [2, с. 180].

«Стандарт необходим уже потому, что невозможно для каждого случая... изобретать особые средства выражения, изводя тонны словесной руды».

«Стандартны звуки языка (набор фонем), грамматические формы, синтаксические схемы и построения; воспроизведимы именно как стандарты слова и фразеологизмы... С прин-

циональной точки зрения, как заметил Г. О. Винокур, не только литературная грамматика, но и поэтика отдельных школ — лишь собрание стандартов, традиционных нормативно воспроизводимых форм, средств, приемов, схем. Если бы лексиконы языков не отличались стандартизованностью, то не было бы возможности составить даже самый условный толковый словарь... Стандарт — очевидно и прямолинейно прагматическое средство наиболее целесообразного исторического применения языка, существующее как автоматизированный и всеобщий переводчик смысла и только» [2, с. 182].

Достаточно ясно, что здесь речь идет о другом явлении, чем то, которое было определено как «антиэкспрессия», как нейтральные, немаркованные элементы в конкретной, текстовой противопоставленности маркованным. В этих высказываниях характеризуются уже не конкретные фрагменты речевых структур, а единицы языка в их способности нормативно воспроизводиться в речи. Но необходимость такого стандарта не надо доказывать, ведь воспроизводимость фонем, морфем, слов, фразеологизмов, грамматических форм, синтаксических моделей и т. д. — это нормальная и единственная возможная форма функционирования этих единиц. Если это стандарт, то явно другой, чем тот, который определен как «антиэкспрессия».

Далее В. Г. Костомаров говорит о несомненности «позитивной роли стандарта в строго кодифицированных сферах общения (имеется в виду в первую очередь деловой стиль — Г. Г.), допускающих даже законодательную регламентацию значительной части средств выражения» [2, с. 185]. Доказывая правомерность стандарта в языке, автор цитирует Л. В. Щербу, считавшего, что литературный язык «часто заставляет нас отливать наши мысли в формы, им заранее заготовляемые» [2, с. 186], и В. В. Виноградова, писавшего: «Большинство людей говорит и пишет с помощью готовых формул, клише» [2, с. 186].

По-видимому, эти контексты не дают возможности видеть в них ни то представление о стандарте, которое заявлено автором книги в дефинициях, ни то, о котором речь шла только что. В этих высказываниях речь идет о типизированных сочетаниях слов в высказываниях, т. е. о тех случаях функционирования словосочетаний и предложений, когда воспроизводятся в речи не только их модели, но и лексическое наполнение,

частично или полностью. Чаще всего такие словесные блоки называются «клише».

Например, воспроизведимыми оказываются такие словосочетания, как *уровень жизни, растущие духовные потребности, блок коммунистов и беспартийных, встреча в верхах, политика мирного сосуществования государств с различным общественно-политическим устройством* и др., и целые предложения: «... Принял в Кремле... вместе с ним были... Во время беседы, прошедшей в сердечной (дружественной, теплой) обстановке, были обсуждены вопросы, представляющие взаимный интерес...» [2, с. 195].

Таким образом, термин «стандарт» в книге В. Г. Костомарова «Русский язык на газетной полосе» не получил строго терминологического определения и употребляется для обозначения разных языковых и речевых реалий. Этим термином обозначены:

- 1) единицы языка (фонемы, морфемы, слова, фразеологизмы, синтаксические схемы) в их способности нормативно воспроизводиться в речи;
- 2) типизированные, клишированные синтаксические структуры (словосочетания и предложения), воспроизводимые в речи в постоянном лексическом наполнении;
- 3) неймаркованные, нейтральные сегменты речевых структур в их противопоставленности маркованным (экспрессивным) сегментам.

Много, интересно, опираясь на богатейший фактический материал, пишет автор этой книги о проблеме газетного штампа. Он настойчиво говорит о необходимости различать термины «стандарт» и «штамп»: «Понятие штампа в нашей работе отнюдь не приравнивается к понятию языкового стандарта, более того, оно связывается с ним далеко не в первую очередь» [2, с. 203]. Штамп определяется как «любое средство выражения, дающее при восприятии негативный стилистико-смысловой эффект» [2, с. 203].

Чаще всего штампом становится образное выражение, утратившее из-за многократного повторения образность. И каждый читающий газету, как и пишущий в ней, знает немало примеров затертых, затасканных образных средств, скомпрометированных неумеренным, частым употреблением в газете. Это всевозможное «золото» — черное, белое, зеленое, бесцветное, мягкое, пушистое и — даже... чешуйчатое, пресловутая «прописка», а также «путевка в жизнь», «линкоры» и «лай-

неры» — применительно едва ли не к любому средству передвижения, «флагманы» — обо всем передовом. Множество примеров газетного штампа тонко и убедительно проанализировано на страницах книги В. Г. Костомарова. Но автор видит свою задачу не в привычном безоговорочном осуждении газетного штампа, а в анализе его природы и в установлении причин его существования в газете. Он делает вывод, что штамп — порождение основного конструктивного принципа газеты. Чтобы воплотить этот принцип, журналист должен постоянно поддерживать (создавать) в тексте чередование стандарта и экспрессии. Обеспечить стандартную часть чередования значительно легче, чем экспрессивную. Отсюда — постоянный поиск экспрессии, погоня за ней. При этом журналист (особенно средний, рядовой), ограниченный жесткими временными рамками подготовки номера, берет уже найденные и оправдавшие себя экспрессемы. Основная причина штампа — эксплуатация ранее найденного средства выразительности. Каждая вновь открытая и удобная для газеты форма выражения оказывается соблазнительным объектом для повторения. В штамп превращается удачная (изначально) метафора, выразительный заголовок, интересная композиция и т. д. Штамп накладывает свою печать почти на любое удачное средство выразительности, использованное хорошим журналистом в хорошей газетной публикации. «Условием штампа выступает слепой автоматизм, механический или механистический характер воспроизведения, что нетерпимо в сфере эмоционально-экспрессивной, образной, метафорической» [2, с. 206].

Вот почему, вопреки распространенному мнению, В. Г. Костомаров утверждает, что «бедой газетного языка является не стандарт, а «плохая» экспрессия, т. е. либо становящаяся в силу повторения сама стандартной, либо не соответствующая данному содержанию, либо просто внутреннее несостоительная» [2, с. 104]. Образцовые газетные тексты, «создаются не ограничением стандарта, а умением подыскивать экспрессивное противоядие, творчески создавать органическое чередование контрастирующих элементов» [2, с. 96]. В этом, по мнению В. Г. Костомарова, и заключается «специфический на-вык газетчика, сложность которого как раз в том, что в поиске экспрессии... легко уйти от нормы, повториться, проявить дурной вкус» [2, с. 97]. Но источником штампа, считает В. Г. Костомаров, может оказаться и стандарт (хотя и реже, чем экспрессия): «Стандарт, своей природой предназначенный для

воспроизведения, воспринимается как штамп лишь при утрате основного свойства нормативной нейтральности» [2, с. 203]. Происходит это в результате характерного для газеты процесса «универсализации средств выражения», состоящего в том, «что в поле зрения попадает какая-то одна форма, которая, своеобразно актуализируясь, начинает употребляться как единственная возможная, соответственно расширяя круг своего применения» [2, с. 209]. Воспроизводимость (частая, навязчивая) таких форм перестает быть оправданной, мотивированной текстом, они отрываются от «своей» функции, сфере, характеризуются «семантической шаткостью в связи с нарушением их соотнесенности с определенным понятием в определенной сфере...» [2, с. 204].

По мнению В. Г. Костомарова, термин «штамп» номинирует, в принципе, нелингвистическое понятие: «Определяя штамп как любое средство выражения, дающее при восприятии негативный стилистико-смысловый эффект, мы фактически выводим это понятие из собственно языковых пределов в область эстетики и психологии восприятия» [2, с. 202]. Это представляется не очень убедительным и противоречащим тому анализу природы речевого штампа, который дается в этой работе. Штамп осознается автором как прямое порождение самого конструктивного принципа газеты, точнее, как практически неизбежные «издержки производства» при конкретном воплощении этого принципа. Необходимое чередование экспрессивных и стандартных фрагментов речевой цепи не-редко обеспечивается в газете что называется «любой ценой». И в области экспрессии это приводит к тому, что она, во-первых, достигается чисто внешними приемами или избитыми, прохоженными средствами, становится при этом условной и даже фиктивной, а во-вторых, ослабление внутренней силы, качества экспрессии (ее девальвация) компенсируется количественным нагнетанием этих мимо экспрессивных средств («эскалация экспрессии»). В области стандартов это выражается в навязчивом повторении одних и тех же форм, сочетающимся тоже с их количественным нагнетанием, что дает «цепочки стандартов», «нанизывание стандартов». И «эскалация экспрессии», и «нанизывание стандартов» равно ведут к штампу. Являясь порождением основного конструктивного принципа газетного языка, штампы препятствуют его воплощению, т. е. оказываются деструктивными, так как нарушают регулярность чередования экспрессии и стандарта. К то-

му же, получая негативную оценку при восприятии, штампы разрушают действенность газетной речи, мешают осуществлению основных газетных функций — информативной и воздействующей.

В работе В. Г. Костомарова описывается и конкретный механизм формирования газетных штампов. Это процессы «гиперхарактеризации средств выражения», т. е. «излишней, неоправданной крайности в реализации закономерно-объективных потребностей газетно-языковой конструкции» [2, с. 203]. «... выход средства за пределы, обычные для него, немедленная автоматизация и ускоренный поиск обновления приобретают в газетном языке всеохватывающий и интенсивный характер, порождающий даже специфические процессы, вроде «эскалации экспрессии» или «анизирования стандартов». В общей форме это проистекает из вечной нехватки быстро, экономно и удобно находимых средств выражения, особенно с экспрессивной силой выразительности...» [2, с. 205]. Конкретный анализ двух основных гиперхарактеристических процессов, наиболее активных в газете, универсализации и серийного упорядочения средств выражения, выполненный в работе В. Г. Костомарова на обширном и интересном текстовом материале, убеждает в том, что это процессы общеязыковые, лишь проявляющие себя в газете несколько специфично.

Иллюстрируя процессы универсализации употреблением в газете выражения *дать (получить) путевку в жизнь*, «полностью оторвавшегося от исходного административного термина времен постройки Балтийского канала и фактически безгранично расширившего сферу своего применения» [2, с. 205], В. Г. Костомаров пишет: «Толчок был дан метафорическим его употреблением в известном кинофильме, а дальнейшая универсализация могла быть поддержанна актуальностью слова *путевка в делопроизводстве*, особенно транспортном и социально-оздоровительном...» [2, с. 205]. По мнению исследователя, «универсализация сопрягается не просто с фактором воспроизведения, но именно с «актуализированным» приложением образа к новым явлениям, со своеобразным «растяжением» внутренней формы и снятием первоначальных «обязательств» слова и его сочетаемости. Если же по той или иной причине исходный образ возникает и оживает ассоциации с тем уникальным контекстом, в котором выражение было рождено и запечателось в памяти, то неминуем отрицательный эффект при его восприятии, его осмысление как штампа»

[2, с. 205—206]. Прямо связывая такие процессы в области газетной фразеологии с «процессами общеязыковой универсализации, приводящими к формированию фразеологизмов» [2, с. 206] (дело десятое, судейский крючок, положить под сукно, долгий ящик, позолотить пилюлю и т. д.) и к формированию новых, переносных, лексических значений (авангард, звено, нагрузка, накал и т. д.), В. Г. Костомаров отмечает и специфику газетной универсализации. Если процессы общеязыковой универсализации «связываются с затемнением исходной экспрессии «единственности», с видоизменением и абстрактизацией или переосмыслением образной конкретности» [2, с. 206], то подчиненность газетной универсализации конструктивной идеи противопоставления экспрессии и стандарта «как раз требует возобновления исходно-конкретной выразительности... Как только речевая единица встает на путь общеязыковой универсализации, она перестает быть специфически газетным элементом; стремясь сохранить внутреннюю форму в неприкословенности и одновременно расширяя сферу приложения оборота, газетный язык, если угодно, препятствует словарной фразеологизации. Если идиома — общенародное, «ничье», то газетно-универсализованное выражение — результат многократного повторения очевидно чужого» [2, с. 206]. И в отличие от общеязыковых фразеологизмов, газетно-универсальные выражения «характеризуются не внутренней всепригодностью, а семантической неопределенностью, что, в свою очередь, увеличивает опасность их восприятия как штампов». [2, с. 206]. Таким образом, глубокий и разносторонний анализ речевого газетного штампа, осуществленный в работе В. Г. Костомарова «Русский язык на газетной полосе», не оставляет сомнений в собственно языковой природе этого явления. Будучи прямым производным стилевого конструктивного принципа газеты, штамп возникает в результате языковых по своей природе процессов гиперхарактеризации средств выражения. Повидимому, есть возможность осмыслить явление речевого штампа в рамках учения о коммуникативных качествах речи, соотнеся его с таким качеством речи, как уместность. «Уместность — такой подбор, такая организация средств языка, которые делают речь отвечающей целям и условиям общения. Уместная речь соответствует теме сообщения, его логическому и эмоциональному содержанию, составу слушателей или читателей, информационным, воспитательным, эстетическим и

иным задачам письменного или устного выступления». [1, с. 233]. Уже сама повторяемость экспрессивного элемента, «механический или механистический характер его воспроизведения» дает негативный эффект неуместности его употребления. Если таких контекстов, где средство выразительности (например, метафора) оценивается воспринимающим сознанием как неуместное, достаточно много, (а именно так бывает в газете, где очень заметна «мода» на выразительные средства), негативная оценка контекстов как не соответствующих принципу уместности может переноситься и на само средство выразительности, которое таким образом оказывается «скомпрометированным» и уже на себе несет печать неуместности.

В заключение необходимо сказать, что в работе В. Г. Костомарова «Русский язык на газетной полосе» осуществлен очень серьезный анализ природы и сущности речевого штампа вообще и газетного, в частности. В результате, слово «штамп» как характеристика речевых средств оказалось достаточно четко терминированным. Очень важным является стремление исследователя разграничить «стандарт», явление коммуникативно оправданное и конструктивное, и «штамп» как «издержки журналистского производства» — явление социально и эстетически негативное. Даны дефиниция явления «стандарт», названы его существенные признаки. Все это — серьезный шаг по пути терминирования слова «стандарт» как характеристики речевых явлений. Но, к сожалению, природа стандарта проанализирована менее глубоко и строго, чем это сделано в отношении штампа, и, несмотря на наличие дефиниции, термин «стандарт» в работе В. Г. Костомарова употребляется для обозначения разных языковых и речевых реалий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головин Б. Н. Основы культуры речи. М., Высшая школа. 1980.
2. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. Изд-во МГУ, 1971.

ТЕРМИН «ПРИМЫКАНИЕ» В «РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ» (АГ-80)

Н. Н. Лаврова

Горьковский университет

Термин «примыкание» издавна использовался русскими и

советскими лингвистами для обозначения такого вида подчинительной связи, при которой зависимость одного слова от другого морфологически не выражается («выражается только позиционно» [1, с. 360]; «выражается лексически, порядком слов и интонацией» [2, с. 336]). Именно такова понятийная отнесенность «примыкания» в «Грамматике русского языка» изд. АН СССР, 1954, во многих вузовских и школьных учебниках по русскому языку. Но в последние десятилетия содержание термина «примыкание» заметно расширилось, причем многозначным термин стал прежде всего в академических грамматиках — «Грамматике современного русского литературного языка» (АГ-70) и «Русской грамматике» (АГ-80). В АГ-70 впервые два, в сущности, разных явления получили одно наименование — «примыкание». Под «примыканием» стали понимать не только соединение с главным словом такого зависимого, которое не имеет форм словоизменения, но и ту подчинительную связь, которая в «Грамматике русского языка» и вузовских учебниках обозначалась термином «слабое управление». В АГ-80 тоже нет единого определения «примыкания», и термин разбивается на два омонима, каждый из которых имеет собственную дефиницию. Примыкание-1 («существенно примыкание») — связь, при которой «могут возникать разные отношения», но «в роли зависимого слова выступают слова неизменяемые» [3, с. 21]. Примыкание-2 («падежное примыкание») — «это присоединение к знаменательному слову <...> падежной без предлога или с предлогом формы имени с определительным значением» [3, с. 21].

Таким образом, еще один лингвистический термин получает две предметно-понятийные отнесенности. Разумеется, развитие полисемии и лексической омонимии в терминосистемах, по-видимому, неизбежный процесс, сколько бы мы ни говорили о желательности моносемии. Однако введение нового значения термина, как и введение нового термина, целесообразно и оправдано при определенных условиях. Во-первых, необходимо, чтобы за новым термином, в том числе — образованным лексико-семантическим способом, стояло действительно новое понятие; в противном случае возникнет простая перекодировка понятия, как, например, произошло в учебнике «Современный русский язык» (М., 1981), где формообразующий постфикс -ся глаголов страдательного залога называется окон-

чанием, в отличие от словообразовательного—ся, именуемого «суффиксом» (см. с. 321—322). Во-вторых, в новом значении термина или в значении нового термина должно реализоваться строго очерченное понятие, т. е. термин обязан иметь четкую предметно-понятийную отнесенность. В-третьих, при введении нового термина или нового терминологического значения не следовало бы разрушать связи, сложившиеся в данной терминологической микросистеме; термин в новом значении может порождать собственную микросистему терминов. При соблюдении этих трех минимальных условий термин в своем новом значении будет «работать», а расширение семантики термина окажется мотивированным. Те же условия обеспечивают жизнеспособность любому новому термину. Исходя из этих положений, мы и проанализируем функционирование термина «примыкание» и связанного с ним термина «падежное примыкание» в «Русской грамматике».

В АГ-80 термин «примыкание» имеет неопределенную предметно-понятийную отнесенность, т. к. содержание его вообще не раскрывается. И если сообщается, что «глагол обладает разветвленной системой связей управления и примыкания» [3, с. 25], то не вполне очевидно, что под этим следует понимать. Суть общего термина «примыкание» надо выводить из содержания терминов «с собственно примыканием» и «падежное примыкание», хотя в традициях русской терминологии — образование терминов с более узким значением от терминов более общих, родовых, а не наоборот (не «вычисляем» же мы суть термина «предложение» индуктивным методом, опираясь на понятия простое — сложное предложение, распространенное — нераспространенное предложение и т. д.).

«С собственно примыканием» и «падежное примыкание» рассматриваются в рамках подчинительной связи, причем при разграничении всех видов этой связи учитывается не только формальное выражение зависимости одного слова от другого, но и «значимая сторона связи» [3, с. 20], тот или иной тип смысловых отношений, возникающих между грамматически господствующим и подчиненным словом. Значит, употребление нового термина «падежное примыкание» мотивируется, казалось бы, тем, что создается более глубокая и тонкая — с учетом семантики! — классификация видов подчинительной связи.

Само по себе стремление учить разные смысловые отношения, проявляющиеся при управлении и примыкании, далеко не ново, что сознают и авторы АГ-80, ссылаясь на идеи А. А. Потебни [3, с. 21]. В. В. Виноградов указывал на недекватность смысловых отношений при примыкании сказуемого — инфинитива к подлежащему («В камни стрелять — стрелы терять») и при примыкании, например, «инффинитива *есть* к глаголу *хотеться* во фразе *Хочется есть*», поэтому В. В. Виноградов писал, что в первом случае «примыкание иного рода», чем во втором [4, с. 479]. Разные смысловые и формально-грамматические отношения между главным и зависимым словами при слабом и сильном управлении так или иначе анализируются во всех вузовских учебниках по синтаксису (особенно интересен, на наш взгляд, подход В. А. Белошапковой к разграничению видов управления и примыкания — см. [5]).

Однако, чтобы классификация видов подчинительной связи последовательно отражала «значимую сторону» соединения слов, надо четко дифференцировать разные типы смысловых отношений и одновременно оценивать смысловую и формальную стороны связи, не разрывая их. В АГ-80 при выделении «с собственно примыкания» опираются на чисто формальную выраженность, а точнее — невыраженность подчинения, т. к. смысловые отношения, складывающиеся при «с собственно примыкании», не позволяют отграничить этот вид связи от других: эти отношения могут быть восполнительными или объектными, как при управлении, «с собственно определяльными», как при согласовании, «определительно-восполняющими», «обстоятельственно-определительными» и т. д. [3, с. 21]. Напротив, при выделении «падежного примыкания» абсолютизируется семантическая сторона связи: эта «связь предсказана только значением главного слова как части речи <...>, и возникающие отношения носят более конкретный характер, чем при управлении» [3, с. 21].

Смещение акцентов в сторону «строго формальных видов соединения» или в «значимую сторону связи» уже приводит к тому, что нарушается единство основания для противопоставления «с собственно примыкания», «падежного примыкания» и «управления». Действительно, собственно примыкание и управление различаются морфологической невыраженностью (выраженностью зависимости подчиненного слова — при

возможной идентичности смысловых отношений в сочетаниях типа *воля жить* (примыкание) — *воля к жизни* (управление), *приказ наступать* — *приказ о наступлении* и под. (примеры АГ-80, с. 62). Управление противопоставляется «падежному примыканию» прежде всего на основе различия смысловых отношений между подчиняемым и подчиняющим. Вопреки утверждению АГ-80, что «при управлении связью действительно управляет целый комплекс лексико-грамматических свойств слова» [3, с. 21], следующие далее примеры управления отнюдь не всегда подтверждают, что именно **комплекс** свойств грамматически господствующего слова обусловливает связь этого слова с подчиненным. Так, в словосочетаниях «улыбаться шутке», «смеяться (чужой) беде», «сделать для друга» [3, с. 30] и подобных вид связи предопределяют не столько грамматические свойства стержневых глаголов, сколько свойства лексические. Благодаря «нейтралитету» грамматических свойств глагола дат. падеж зависимого слова «беде» можно заменить тв. падежом — смеяться *над бедой*; род. падеж «для друга» заменяется дат. пад. — сделать + *другу, всем, больному*. И если считать, что в сочетаниях *приехать к утру, говорить с запинкой* — «падежное примыкание» [3, с. 21], т. к. связь «предсказана только значением главного слова как части речи», то не от значения ли главного слова зависит возможность или невозможность связи в приведенных ранее примерах управления (ср. с другими примерами управления: *играть мячом, прославиться талантом* и т. д.—стр. 30).

Можно, конечно, пренебречь тем, что согласование, управление, собственно примыкание и падежное примыкание разграничиваются на разных основаниях, коль скоро это разграничение все-таки объективно и последовательно осуществимо. Но, как указывалось выше, для отделения «падежного примыкания» от управления необходима четкая дифференциация основных типов смысловых отношений, а ее-то как раз в АГ-80 и не наблюдается. Субъективная причина отсутствия такой дифференциации — отказ авторов АГ-80 от выделения обстоятельственных отношений, как самостоятельного типа смысловых отношений, в результате чего «определительные отношения» усматриваются как в словосочетании *новый парк*, так и в сочетании *жить в городе* [3, с. 18]. Естественно, что исключение собственно обстоятельственных отношений не способствует корректному описанию «значимой стороны» подчинительных связей. Объективная причина, препятствующая

резкому разграничению определительных (в традиционном смысле термина), объектных и обстоятельственных отношений, заключается в их взаимопроникновении. Наложение разных типов смысловых отношений признают и авторы АГ-80; «названные три вида отношений [объектные, определительные, восполняющие — Н. Л.] постоянно взаимодействуют друг с другом, и этим создаются комплексные, диффузные отношения, т. е. отношения, которые совмещают в себе значения восполняющие или объектно-определительные» [3, с. 21], авторы объектные и определительные, а в некоторых случаях — и те, и другие, и третий одновременно» [3, с. 19]. Поэтому, отмечая, что для управления свойственны «отношения восполняющие или объектные либо контаминированные: объектно-восполняющие или объектно-определительные» [3, с. 21], авторы АГ-80 фактически не скрывают зыбкость границ «управления» и «падежного примыкания»: ведь если при «падежном примыкании» возможны «обстоятельственно-восполняющие отношения» (*задолго до рассвета, обойтись в сто рублей —* с. 21), то подобные же отношения проявляются и при сильном управлении (*съехать с горы, добраться до дома*).

В ряде случаев затруднительно различить субъектно-определительные отношения (показатель «падежного примыкания») и объектно-определительные отношения (индикатор «управления»), например: «Приглашение **тренера** в спортивную школу было своевременным» — неясно, имеет существительное в форме родительного падежа объектное — или субъектное значение, а следовательно, реализуется здесь управление или «падежное примыкание». Даже в тех ситуациях, когда авторы АГ-80 находят чисто определительные отношения, можно увидеть и наслаждение отношений восполнения, например, при «падежном примыкании» к прилагательным: *хорош собой, slab здоровьем, круг характером, глубок содержанием* (примеры АГ-80, с. 75). Без пояснительного «собой» слово *хорош* можно было бы воспринять в противоположном значении; в прилагательном «круглой» раскрылось бы прежде всего значение «почти отвесный» либо значение «резкий», если бы зависимое существительное *характером* не указало на значение «суровый, властный» и т. д.

Авторы АГ-80 считают, что при падежном примыкании смысловые отношения «носят более конкретный характер, чем при управлении» [с. 21]. Но нигде не доказано, что «определительно-обстоятельственные» отношения, существующие при

примыканий, конкретнее объектных отношений, существующих при управлении. Сравнивая примеры управления и «падежного примыкания», данные в АГ-80, вряд ли можно объяснить, почему в словосочетании *уважать учителя* более абстрактные смысловые отношения, чем в сочетании *приехать к празднику*, а *пробыть около года* содержит в себе более конкретные смысловые отношения, чем *не купить хлеба, настроить домов*. Ср. также другие примеры на стр. 26 и 43—44.

Итак, термин «падежное примыкание», по-видимому, обладает достаточно расплывчатой предметно-понятийной отнесенностью.

Как отмечалось нами ранее, каждый новый термин должен входить в ранее сложившуюся терминологическую микросистему, не разрушая логических и иных связей терминов. Между тем, чтобы отграничить управление от «падежного примыкания», приходится отделять объектные отношения от определительных, произвольно изменяя содержание термина «объектные отношения». Объектные отношения, по определению АГ-80, — это «отношения между называемым в слове действием или состоянием и тем предметом (в широком смысле этого слова), на который направлено действие или с которым сопряжено состояние» [3, с. 18]. Употребление термина «объект» в широком смысле оговаривается, поэтому логично, что объектными считаются отношения в словосочетаниях типа «сниться ребенку». Но не бесспорны «объектные отношения» в словосочетаниях *вестник победы, командир полка*, где управляющим словам с натяжкой приходится приписывать «более или менее ярко выраженный элемент процессуального значения» [3, с. 60], чтобы на фоне «объектных отношений» отличить управление от «падежного примыкания». Еще более сомнительно, что «объектные отношения возникают <...> между управляемым словом и такими существительными, как *декрет, закон, директива, приказ о чем-н.*, <...> *документ, диплом, справка, свидетельство о чем-н.; мысль, мнение, слова, планы о чем-н.*» [3, с. 60]. Все перечисленные управляющие существительные не обладают процессуальным значением, не обозначают состояния, а следовательно, согласно данному АГ-80 определению «объектных отношений», и не могут подчинять себе слова со значением объекта. Поэтому, если быть последовательными, то придется признать, что в словосочетаниях типа «свидетельство об образовании» проявляются определительные, а не объектные отношения (и соответственно

здесь не управление, а «падежное примыкание»), тем более что при «собственно определительных» отношениях «зависимая форма отвечает на вопросы какой? чей? который?» [3, с. 18], а вопрос «какой?» вполне можно задать от слов типа «закон» к словоформам типа «о мире». Ср. с другими примерами: *толчок мыслям, решение загадке, обструкция договору...*, где отмечаются уже не собственно объектные, а «объектно-определительные отношения», как и в словосочетаниях *родня девушки, книгам враг* [3, с. 60—61]. Получается некий парадокс: вводя новый термин «падежное примыкание» ради более тонкой дифференциации видов подчинительной связи, авторы АГ-80 подчас избегают разграничивать оттенки смысловых отношений, возникающих при подчинительной связи. Однаковое — объектное — значение фиксируется в словосочетаниях *завоевание Арктики и завоеватель Арктики, поиски истины — искатель истины* [3, с. 53], несмотря на то, что процессуальное значение слов «завоеватель», «искатель» вытеснено предметным значением. «Совмещение значений объектного и определительного — пространственного» отмечается в явно не тождественных словосочетаниях *лечиться у врачей, учиться у мастеров — и идти на бой, дышать через трубочку* [3, с. 30], зато словосочетания типа *прославиться талантом* [с. 30] противопоставляются сочетаниям типа *возвратиться к кому-чему-н.* [с. 28] как явления слабого и сильного управления — на том основании, что в первом случае менее «чистые» объектные отношения. Вместе с тем, в качестве примеров объектных отношений приводятся смысловые связи слов в сочетаниях *любовь к кому—чему-н., курс на разрядку* [с. 60].

Таким образом, функционирование термина «падежное примыкание» заставляет варьировать термин «объектные отношения», делает его расплывчатым, а это, в свою очередь, размывает и без того подвижную грань между «объектными» и «определенными» отношениями. В итоге страдает и микросистема терминов, обозначающих виды подчинительной связи, и микросистема терминов, называющих типы смысловых отношений.

Использование термина «падежное примыкание» в АГ-80 объясняется тем, что «объединение управления и падежного примыкания под общим названием «управления» уводит от познания внутренних различий этих подчинительных связей» [3, с. 21]. Но познавать «внутренние различия» можно только там, где эти различия действительно существуют, где один

объект исследования отличается от другого. Изучить отличие «падежного примыкания» от управления (особенно слабого) трудно, потому что термин «падежное примыкание» не наполняется ясным, конкретным содержанием, и это заставляет усомниться в том, что за данным термином стоят открытые исследователями факты самого языка. Что же касается термина «примыкание», то он растворяется в составных терминах «существенно примыкание», «падежное примыкание», «примыкание инфинитива» (и подобных) и как самостоятельный термин становится малоупотребительным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.
3. Русская грамматика, т. II. Синтаксис. М., 1980.
4. Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике. Избранные труды. М., 1975.
5. Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНА «ГЛАГОЛЬНАЯ ОМОНИМИЯ» (на материале ССРЛЯ АН СССР)

С. Я. Дольская

Горьковский пединститут

В. А. Абаев в статье «О подаче омонимии в словарях» писал, что «количество омонимов в словарях катастрофически растет. Такое размножение идет за счет полисемии» [1, с. 31]. Как известно, дискуссия об омонимии 50-х годов выявила два основных подхода к этой проблеме: одно направление, представителем которого является и В. И. Абаев, не видит никаких точек соприкосновения между полисемией и омонимией. «Между этими двумя явлениями нет никаких мостов, никаких переходных видов» [1, с. 33].

Второе направление, представленное в работах Г. О. Винокура, В. В. Виноградова, Л. А. Булаховского, О. С. Ахмановой

вой, Е. А. Земской и др., пытается различать «омонимию, возникшую в результате собственно фонетических процессов..., и омонимию, возникшую в результате процессов структурных, морфологических»; «...конкретные способы разграничения этих двух категорий — полисемии и омонимии — еще далеко не достаточно разработаны, откуда непоследовательность лексикографической трактовки, а иногда и разной в словарях» [2, с. 111—112].

Выработке критериев различия полисемии и омонимии посвящено немало исследований. Особые сложности связаны с разграничением названных понятий в глаголе, в частности, в его приставочных образованиях. «Широкое» понимание омонимии привело в лексикографической практике к появлению в словарях большого количества глагольных омонимов. Так, в словаре С. И. Ожегова широко представлены (хотя и непоследовательно) омонимы приставочных глаголов, возникшие в результате утраты семантических связей со значениями бесприставочных глаголов [3].

Однако наблюдения над омонимией приставочных глаголов в ССРЛЯ АН СССР в 17 томах не позволяют согласиться с утверждением В. И. Абаева, что количество омонимов в словарях растет. Наоборот, можно говорить о резком сокращении числа омонимов среди приставочных глаголов, и прежде всего за счет невыделения в качестве омонимов глаголов с разным характером членности основы.

«Семнадцатитомный словарь, как словарь, совмещающий исторический принцип с нормативным, по своим принципиальным установкам предпочтает не дробить слова на омонимы, а помещать их как значения одного слова» [4, с. 119].

Следует сказать несколько слов об изложении взглядов составителей словарей на омонимию в инструкциях. В инструкции 1958 г. к большому академическому словарю об омонимах говорится очень скромно во введении: «... более умеренно, чем в других современных толковых словарях, проводится в словаре и выделение омонимов, образовавшихся в результате исторически подготовленного разрыва отдельных значений в словах общего происхождения, поскольку слова, которые могут представляться омонимами в наше время, во многих случаях не были еще таковыми в 19 в., особенно первой его половине» [5, с. 8].

Гораздо подробнее излагается подход к глагольной омонимию в инструкции к малому академическому словарю, где ска-

зано, что такие грамматические характеристики, как, например, различное управление или безличное употребление у глагола, могут быть свойственны и различным значениям слова и далеко не всегда говорят о наличии омонимии.

Здесь в число глагольных омонимов включаются глаголы **с омонимичными приставками**. О. С. Ахманова в «Очерках по общей и русской лексикологии» видит в качестве одного из признаков глагольной омонимии омонимичность приставок при тождестве корневой морфемы. В. В. Виноградов считает омонимичными приставки *про* — в 2-х значениях: «хват действием всего предмета» (просмотреть книгу) и «недостаток, упущение» (просмотреть ошибку в книге).

В инструкции к малому Словарю в качестве омонимичной выделяется приставка *за*-, обозначающая:

- а) начало действия, исчерпанность, завершенность действия;
- б) начало действия, результат его и попутное действие, последующее действие.

Зажить 1, -живу, -живешь. (Начать вести какую-либо жизнь) — несов. вида нет.

Зажить 2, -живу, -живешь. (Затянуться, закрыться. Рана зажила) — заживать.

Заработать 1, -аю, -аешь. (Начать работать) — несов. вида нет.

Заработать 2, -аю, -аешь. (Добыть работой) — зарабатывать.

Запить 1, -пью, -пьешь. (Начать пьяствовать) — несов. вида нет.

Запить 2, -пью, -пьешь. (Выпить что-нибудь, чтобы заглушить неприятный вкус. Запить лекарство водой) — запивать.

Обратим внимание, что здесь особое внимание уделяется видовой соотносительности глаголов-омонимов.

Хотя в инструкции к семнадцатитомному Словарю и не говорится подробно об омонимии, но сам представленный материал свидетельствует также как бы о признании омонимичных приставок. Все глаголы с начинательным значением приставки выделены как омонимы.

1. Забрызгать — см. забрызгивать.
2. Забрызгивать — начать брызгать, разбрасывать брызги.
1. Заиграть — см. 1. Заигрывать.
2. Заиграть. 1. Начать играть, забавляться, развлекаться.

2. Начать играть на сцене. 3. Начать играть на музыкальном инструменте. 4. Перен. Заблестеть, заискриться, засверкать. 5. Перен. Проявиться, обнаружиться в движении, действии. 6. Обл. Запеть.

1. Забить — начать бить.
2. Забить — забивать (гвоздь, ящик, свинью).
1. Завиться — см. завиваться.
2. Завиться — начать виться.

То же можно наблюдать у глаголов: заглотать, загрести, загулять, заделать, задолбить, задразнить, заездить, зарубить, зaintриговать, закапать, закатить.

На первый взгляд, критерием выделения омонимов здесь является омонимичный характер приставки *за-* в начинательном значении по отношению к другим значениям этой приставки. Однако в том же словаре есть факты, когда глагол с начинательной приставкой *за-* не выделяется как омоним, а входит как одно из значений в полисемантический глагол:

Заагитировать—1. Начать агитировать. 2. Путем агитации вовлечь кого-либо куда-либо.

Заалеть—1. Показаться, выделиться. 2. Начать аlete, приобретать алый цвет.

Забелеть — 1. Показаться, выделиться (забелел парус). 2. Начать белеть.

Можно думать, что дело здесь не столько в омонимии приставок, сколько в грамматической характеристике глаголов: глагол в начинательном значении является одновидовым, и если 2-й глагол также одновидовой (см. заагитировать, заалеть, забелеть), они рассматриваются как значения многозначного слова, если же 2-й глагол парный по виду, — они выделяются как омонимы.

Такая же закономерность проявляется и у глаголов с другими приставками. Так, глаголы *подавить* выделяются как омонимы, т. к. 1. Подавить в значении «давя, причинить повреждение» является одновидовым, а 2. Подавить в значении «давить, придавливать своей тяжестью» соотносителен по виду: «Травянистый покров подавляет всходы своим навалом».

Однако четкой последовательности в отражении рассматриваемых явлений в Словаре нет, мы находим не один пример, когда выделяются как омонимы одновидовые глаголы с приставкой *за-*. Так, омонимами являются здесь глаголы *задавить*, причем первый из них имеет приставку с начинательным

значением, а 2-й — многозначный глагол, во всех своих значениях также являющийся одновидовым.

Вообще представляется весьма сомнительной сама возможность выделения омонимичных приставок. Во всяком случае, критерии для различия многозначности и омонимии в приставках не выработаны, и толковые словари, в том числе и академические, перечисляя значения приставок, не разграничивают этих явлений.

Интересное замечание по этому поводу содержится в книге П. А. Соболевой «Словообразовательная полисемия и омонимия»: «достаточно ли многозначности приставок, чтобы говорить об омонимии производных глаголов, а вслед за ними и отглагольных существительных? По этому вопросу мнения расходятся. Так, Л. А. Булаховский считал, что, хотя при образовании слов префиксы вносят в слова весьма различные значения, значения очень непохожие друг на друга, все-таки следует говорить при соответствующих случаях о многозначности, а не об омонимии». [6, с. 6].

Чем менее явной представляется возможность выделять глагольные омонимы с одинаковым значением корня, исходя лишь из «омонимии» приставок, тем больше проясняется роль грамматических факторов, которым следует уделять серьезное внимание в лексикографической практике, «...объединение омонимов, столь различных с точки зрения структуры и семантики, наталкивает на мысль о необходимости упорядочения омонимов на основании каких-то существенных дифференциальных признаков». [6, с. 76].

Тем не менее в проспекте к новому академическому словарю русского языка, составленном А. М. Бабкиным, об омонимии не говорится ничего, словно и не существует такой проблемы. [7].

Приведение в систему в словарях омонимии приставочных глаголов невозможно без разработки таких вопросов, как многозначность и омонимия приставок, влияние исторического изменения структуры слова на многозначность и омонимию, роль грамматических характеристик глаголов (в частности, видовой соотносительности) в разделении многозначных глаголов на омонимы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев В. И. О подаче омонимии в словарях. ВЯ, 1957, № 3.

2. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
3. Дольская С. Я. О подаче в словаре омонимии приставочных глаголов. — В сб.: Термин и слово. Горький, 1979.
4. Земская Е. А. Производные слова в толковых словарях русского языка. — В сб.: Современная русская лексикография, Л., 1976.
5. Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в 15 т. т.), М.-Л., 1958.
6. Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия, М., 1980.
7. Бабкин А. М. Проспект (Новый академический словарь русского языка). Л., 1971.

К УТОЧНЕНИЮ ТЕРМИНА «ОККАЗИОНАЛИЗМ»

B. B. Елисеева

Ленинградский университет

Вопрос об окказионализме и его отграничении от других новообразований не относится к числу наиболее изученных. Отсутствие четких критериев выделения окказионализма, необходимость опоры при этом главным образом на языковое чутье заставляли исследователей обращаться в основном к анализу родного языка. Отечественные работы по данной теме построены прежде всего на материале русского языка, очень немногочисленны описания новых слов на материале английского и немецкого языков, а работы зарубежных ученых по этому вопросу практически отсутствуют. Описание окказиональной лексики преимущественно ведется с двух основных позиций — стилистических функций окказиональных лексем и нормативности/ненормативности деривационных актов. При этом нередко ставится знак равенства между терминами «окказионализм» и «авторский неологизм», тогда как разграничение этих явлений носит принципиальный характер и затрагивает целый ряд проблем, чрезвычайно важных с точки зрения прагматики и дальнейшего функционирования нового слова в речи.

Очень показательна в этом смысле диссертация Р. А. Киселевой, посвященная структурным особенностям авторских неологизмов и их стилистическим функциям [5]. В исследовании, выполненном на материале английского языка, подробно

рассматриваются структурные типы авторских неологизмов, выясняется специфика соединения в них словообразовательных элементов, дается анализ неологизмов на парадигматическом и синтагматическом уровнях. Задачи работы определяются подходом к теме с позиций стилистики декодирования и, очевидно, были ограничены стилистическими проблемами; однако некоторые положения не представляются бесспорными. Так, например, выше уже говорилось о нецелесообразности смешения понятий «окказионализм» и «авторский неологизм». В работе Р. А. Кисслевой эти явления никак не разграничиваются, а приводимые критерии определения авторского неологизма могут равно относиться и к тому, и к другому виду новых слов (отсутствие слова в Оксфордском словаре, 1965; необычность комбинации языковых элементов). Критерий необычности комбинации языковых элементов, ведущей к появлению нового слова, представляется недостаточным, так как он исключает целый ряд других способов образования окказионализма, в частности, паронимию и использование окказионального лексико-семантического варианта (ЛСВ) канонического слова.

Наиболее подробное описание окказиональной лексики русского языка дано в работах А. Г. Лыкова [7, 8], Э. И. Ханпиры [13—15]. Эти авторы рассматривают данное явление в его многообразии, обращаясь к разным сторонам образования и функционирования окказионального слова, не смешивая его с неологизмом. В целом в отечественной литературе предлагается проводить отграничение окказионализма от неологизма по следующим критериям: 1) принадлежности неологизма и окказионализма соответственно к явлениям языка и речи; 2) отличию окказионализма от неологизма и потенциального слова. Ни по одному из этих вопросов единства мнений нет.

На первый взгляд, абсолютное большинство авторов единодушно относит окказионализм к явлениям речи [3, 7, 8 и др]. Отмечаются такие свойства окказионализма, как невоспроизводимость его в языке, четкая целевая направленность его функционирования, особенности создания окказионализма как своеобразной комбинации элементов и т. д. При этом, отстаивая свою точку зрения на окказионализм как явление речи, А. Г. Лыков, например, опирается на критерии «творимости» и «воспроизводимости», предостерегая от смешения этого последнего понятия с понятием «одноразовости». «Созда-

ние и употребление окказионализма, — пишет он, — факт речи; речь при этом — свободное комбинирование морфем в цепочки, не имеющие precedента в речевом опыте носителей данного языка» [8, с. 11]. Э. Ханпира называет окказиональное слово разновидностью всякого речевого акта, в котором проявляется окказиональность как незаданность системой языка. Описывая явления «индивидуального словотворчества», В. Н. Хохлачева отмечает, что такие слова отсутствуют в языковой традиции, т. е. воспринимаются как новые и в дальнейшем не воспроизводятся в языке в качестве лексической единицы [16]. Е. К. Чиркова [17] считает окказионализм речевым заполнением «пустой клетки» лексической или стилистической системы языка (в отличие от А. Г. Лыкова, относящего окказионализмы к заполнителям словообразовательной клетки языка).

Многими отмечается также пантемпоральность окказионализма. Так, в определении Е. А. Земской [3] говорится о сохранении окказионализмами новизны независимо от времени их создания; Н. И. Фельдман [12] указывается на тот же критерий новизны, не зависящий от времени создания «слов-самоделок»; панхроничность окказионализма подчеркивает и А. Г. Лыков и т. д.

Таким образом, основные доводы в пользу принадлежности окказионализма к явлениям речи — это незаданность окказиональной единицы системой языка; не зависящая от времени создания новизна окказионализма; способность окказионализма выступать в качестве речевого заполнителя какой-либо клетки языка.

Однако разграничения окказионализма и неологизма придерживаются не все исследователи. В частности, М. Д. Степанова [11] устанавливает на материале немецкого языка три вида писательских неологизмов:

1) системные, понятные вне контекста, образованные по законам словообразовательных моделей и их заполнения;

2) системные, но мало или совсем не понятные без контекста (главным образом, сложные слова);

3) несистемные, единичные в немецком языке, образованные в силу нарушения норм словообразования.

Выделение первого и второго видов писательских неологизмов приравнивает это явление к элементам системы языка, допуская его вхождение в «норму», т. е. в язык. Здесь, по-видимому, и проявляется результат сменения терминов «нео-

логизм (писательский неологизм)» и «окказионализм». Единичность, малочисленность слов третьего из выделенных видов может служить добавочным критерием отделения его от двух первых. Именно к третьей группе следует относить собственно окказионализмы, тогда как системные образования, относящиеся к явлениям языка, и есть собственно неологизмы. Принадлежность их определенному автору дает право называть их «писательскими» или «авторскими» неологизмами; объединение же неологизмов и окказионализмов под единым названием представляется неправомерным. Системность неологизмов указывает на их принадлежность к явлениям языка, а внесистемность окказионализмов относит их к явлениям речи.

Не бесспорна и точка зрения О. А. Габинской [2], утверждающей, что проблему принадлежности окказионализма к языку или речи нельзя решать альтернативно; здесь снова имеет место объединение разных понятий в одно. В работе О. А. Габинской принято: неологизм = новообразование = окказиональное слово: «Любое окказиональное слово есть и новое, т. е. необычное, неизвестное» [2, с. 33]. Но можно ли любое новое слово назвать неизвестным или тем более необычным? Выпуск «Новое в русской лексике» регистрирует слова и словосочетания, не зафиксированные в других словарях, в том числе и окказиональные и индивидуально-авторские новообразования. Среди них, например, «рифмачить» — окказиональное образование, очевидно обладающее критерием новизны; однако необычность его сводится к семантической несовместимости обычных, известных, системных элементов. То же можно сказать и о других приведенных там же словах («антивакхический», «белонейный» и др.) [10]. Ссылка на диалектическое взаимодействие языка и речи в случае с окказионализмами выступает ничем не подтвержденной. «Целостность» образования и функционирования окказионализма, на которую ссылается О. А. Габинская, не доказывает, на наш взгляд, одновременной или хотя бы попаременной отнесенности окказионализма к языку и речи, а скорее еще раз подтверждает точку зрения Ю. С. Маслова [9] на окказионализм как на речевую комбинацию языковых знаков. Неоправданное расширение границ термина приводит к неправомерному выводу о принадлежности окказионализма к явлениям языка.

Таким образом, представляется возможным определить **первый признак**, обособляющий окказионализм как явление и

отделяющий его от неологизма: неологизм есть явление системное, явление языка, в то время как окказионализм относится к внесистемным явлениям речи.

Разграничение окказионализма и неологизма очевидно необходимо еще и потому, что их появление прежде всего обусловлено целью высказывания. Разница задач и целевой установки не позволяет объединить эти слова под единым термином.

Цель появления неологизма состоит, как правило, в номинации нового понятия, то есть ведущей функцией такого нового слова становится функция номинативная. По своей заданности неологизм предназначен для неоднократного воспроизведения в речи значительного числа людей, то есть для закрепления в языке.

Целевая установка автора окказионализма определяется стилистическими задачами данного текста. Номинативная функция вытесняется на задний план другими — эмотивно-волонтативной и поэтической. Окказионализм не предназначен для воспроизведения в другом контексте (в широком смысле этого слова); даже использование окказионализма другим автором носит обычно характер явной аллюзии на источник заимствования.

Функционирование окказионализма и неологизма в речи происходит в разных подсистемах: неологизм может быть определен как информема, окказионализм — как прагмема [4]. Следовательно, **второй признак**, разграничающий окказионализм и неологизм, — наличие у окказионализма прагматических функций, в отличие от неологизма, обладающего в основном информативной функцией.

Из многочисленных именований интересующего нас явления наиболее удачным представляется именно термин «окказионализм», как содержащий указание на малую частотность его употребления, тесную связь с определенными условиями функционирования (контекстом, речевой ситуацией и т. п.) и на невоспроизводимость окказионального слова. Кроме того, в отличие от терминов «писательский/авторский неологизм», «семантический неологизм» и др., термин «окказионализм» позволяет провести четкую границу между двумя **разными явлениями** — неологизмом и окказиональным словом. Терминологическая путаница усугубляется еще и тем, что в ряде работ неологизмами именуются так называемые «потенциальные слова». Подробное и убедительное разграничение окка-

зионализмов, неологизмов и потенциальных слов и их анализируются в работах Э. И. Ханпиры [13—15]. Как и окказионализмы, потенциальные слова относятся исследователем к явлениям речи (в отличие от неологизмов как явлений языка). Вызывает, однако, сомнение утверждение Э. И. Ханпиры о возможности объединения окказионализмов и потенциальных слов под общим названием «окказионализм», даже если вслед за автором принять более широкую трактовку термина «окказиональность». Возможность объединения понятий допускает и В. В. Лопатин, ссылающийся на В. Н. Хохлачеву: «И те и другие (потенциальные и индивидуально-авторские слова) представляют собой слова, отсутствующие в языковой традиции...» [6]. Очевидно, что окказионализм и потенциальное слово имеют много сходных черт и в формообразовании, и в области прагматической направленности. Однако основные понятия, взятые за исходные в работе Э. И. Ханпиры, «потенциальность» и «окказиональность» противопоставляются самим автором по очень важному признаку — заданности/незаданности системой языка, что очевидно исключает их объединение.

Важное дополнение к критериям, отличающим окказионализм от потенциального слова, можно найти в работе Г. О. Винокура: «... потенциальные слова... — слова, которых фактически нет, но которые могли бы быть, если бы того захотела историческая случайность...» [1]. Появление окказиональных слов зависит не от «исторической случайности», а от целей, поставленных автором высказывания; ненормативность окказионализма обуславливается его непредсказуемостью, незаданностью системой языка. Кроме того, окказионализм отличается от потенциального слова и целевой направленностью. Таким образом, окказиональные и потенциальные слова должны быть разграничены, несмотря на наличие общих черт. Их разделяют заданность/незаданность системой языка; общность/частность реализации объема семантических компонентов; наличие/отсутствие целевой направленности.

Обобщая сказанное, можно дать определение окказионализма: окказионализм есть явление речи, отличающееся от неологизма и потенциального слова своей внесистемностью, наличием прагматической функции, а также частотностью реализации объема семантических компонентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокур Г. О. Маяковский — новатор языка. М., 1943.

2. Габинская О. А. О языковом и речевом статусе неологизмов. — В кн.: Научные труды Курского пединститута, т. 46. Курск, 1975.
3. Земская Е. А. Окказиональные и потенциальные слова в словообразовании. В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования. Материалы респ. науч. конференции. Самарканд. 1972, т. 1.
4. Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978.
5. Киселева Р. А. Структурные особенности авторских неологизмов и их стилистические функции. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1970.
6. Лопатин В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М., 1973.
7. Лыков А. Г. Русское окказиональное слово. Автореф. дис. на соиск. учен. степени доктора филол. наук. М., 1972.
8. Лыков А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М., 1976.
9. Маслов Ю. С. Знаковая теория языка. — В кн.: Вопросы общего языкоznания. Материалы респ. семинара преподавателей общего языкоznания. Л., 1967.
10. Новое в русской лексике. Словарные материалы — 78. М., 1981.
11. Степанова М. Д. Аспекты синхронного словообразования. — Иностранные языки в школе, 1972, № 3.
12. Фельдман Н. И. Окказиональные слова и лексикография. — ВЯ, 1957, № 4.
13. Ханпира Э. И. К вопросу об окказиональном значении слова в поэтической речи. — Известия АН СССР, серия литературы и языка, вып. 4. 1970.
14. Ханпира Э. И. Окказиональные элементы в современной речи. В кн.: Стилистические исследования на материале современного русского языка. М., 1972.
15. Ханпира Э. И. Окказиональные образования В. В. Маяковского. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1966.
16. Хохлачева В. Н. Индивидуальное словообразование в русском литературном языке XIX в. — В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. 5. М., 1962.
17. Чиркова Е. К. О критериях ограничения окказиональных новых слов литературного языка. — В кн.: Современная русская лексикография. Л., 1975.

СОДЕРЖАНИЕ

Головин Б. Н. «Лингвистика текста» или «лингвистика речи»?	3
Пекарская Л. А. Разграничение терминов языка и терминов речи	10
Немченко В. Н. Полисемия научных терминов и ее отражение в терминологическом словаре	16
Петрова И. А. О некоторых особых условиях функционирования терминов	24
Капацинская Е. В. Термины в практике школьного обучения	33
Макарихина О. А. Мотивированность и идиоматичность терминов	41
Серебрякова Л. А. Термины как конструктивные и смысловые компоненты высказывания (в сравнении с нетерминами)	47
Русова Н. Ю. Терминоэлементы общенаучного значения и их ис- пользование в информационном поиске	54
Петенева З. М. О терминосистеме в лингвофольклористике	58
Карельская И. М. Предметная отнесенность термина «состав- ной (сложный) член предложения»	66
Шипова Г. С. Составные лингвистические термины в русском, английском и немецком языках	72
Шапошников В. Н. Внутренняя сторона и некоторые термины этой области в описании отечественных языковедов	76
Грехнева Г. М. Термины «стандарт» и «штамп» в работе В. Г. Костомарова «Русский язык на газетной полосе»	84
Лаврова Н. Н. Термин «примыкание» в «Русской грамматике» (АГ-80)	94
Дольская С. Я. К определению термина «глагольная омонимия» (на материале ССРЛЯ АН СССР)	102
Елисеева В. В. К уточнению термина «окказионализм»	107